

Максим
ПРО Цхай
ПАПУ

Максим Цхай

Про папу

Серия «Классное чтение»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65790930

Про папу. Роман: АСТ. Редакция Елены Шубиной; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-127373-6

Аннотация

Взрослый сын приезжает в родной дом ухаживать за пожилым отцом. Ухаживать придется и за кошкой Котасей, собакой Белкой, старым домом, который ежедневно взрывается криками, хохотом, лаем, мявом... Голос обретают даже ботинки, куст малины и компот. Все обитатели неизбежно стареют на наших глазах. Как тут сохранить позитив и разум? Улыбаться невзирая ни на что и – любить. Да еще вести дневник, как автор романа «Про папу» Максим Цхай – писатель, актер, каскадер, сменивший множество экзотических профессий в России и Германии. Это реальная история про него и его папу, полная семейного тепла, остроумия, мудрости и нежности.

Содержание

Часть первая

8

Конец ознакомительного фрагмента.

110

Максим Викторович Цхай

Про папу

Роман

*Мальчику Вове Бондареву посвящаю эту книгу.
Ко времени, когда ты будешь уже большим, а твой
папа снова станет маленьким.*

* * *

© Цхай М. В.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Мама рассказывала, что в детстве я никогда не клянчил и не выпрашивал игрушки. Все было легко и просто. Мне было четыре года, и мы иногда ходили с мамой по вечерам в магазин «Детский мир». Если мне что-то очень нравилось, я потихоньку показывал ей на это пальцем. Мама или кивала, или, когда денег не было, она потихоньку качала головой, и я спокойно шел дальше. Зимой я носил длинный тулупчик до пят, и продавщицы уже узнавали меня и смеялись: «Вот

и сторож пришел, пора закрывать магазин».

Витрина «Детского мира» всегда была красиво и по-разному оформлена, на полу, покрытом зеленым сукном, играли разные пушистые звери, тарасили глаза нарядные куклы, скакали знаменитые педальные кони, тогда бывшие всего лишь игрушками. И лишь три элемента никогда не покидали витрины: нарядная игрушечная коляска, лохматый плюшевый медведь и детский резиновый плотик – огромная надувная черепаха в два моих роста.

До сих пор помню синий декабрьский вечер, мама держит меня за руку, я чувствую даже через рукавицу тепло ее большой руки, слышу скрип твердого снега под моими валенками, и уже издалека видно, как ярко искрится синим и зеленым снег перед витриной, – и вот он уже, «Детский мир»! И первое, что я видел, – подсвеченная яркими огоньками, золотисто-коричневая волшебная черепаха. Для меня она стала чем-то вроде символа «Детского мира», необходимым атрибутом этих наших вечерних походов с мамой. Я и не воспринимал ее как игрушку.

Но однажды я вдруг случайно узнал, что черепаха, золотистое чудо, – тоже продается! Для меня это был шок, как новая земля, как приход Деда Мороза летом, как неожиданное понимание, что Бог все-таки есть, как «я тоже тебя люблю», – да разве можно найти слова, чтобы сравнить то детское чувство с чувствами взрослого?

Черепаха стоила 10 рублей, по тем временам очень доро-

го, и мама покачала головой.

Солнце погасло. «Нам надо расстаться», «Не хочу вас пугать, но...», «Вы не прошли по конкурсу, приходите на следующий год...». Да ладно, разве это описать...

И я снова не стал клянчить, согласно кивнул и пошел дальше, и мама рассказывала, как впервые увидела, чтобы у меня из-за некупленной игрушки по щеке поползла слеза.

Но я сказал маме, что вовсе не плачу, смотри – морг-морг. Ну где? Никаких слез у четырехлетних мужчин. И снова опустил голову.

Мне очень хотелось эту волшебную черепаху, но я заранее понимал, что это было невозможно, разве можно обладать чудом? Я покорно топал за мамой к выходу и видел только расплывающийся в моих полных слез глазах край длинного тулупчика, задевавшего кончики мокрых от снега валенок. Но вдруг на выходе из магазина я схватился двумя руками за большую ручку двери, обнял холодное дерево, прижался к нему всем телом и никак не мог разжать пальцы...

До сих пор помню, как я ее нес. Дул ветер, была почти уже ночь, меня сдувало вместе с моей черепахой, которая, словно большой победный парус, рвалась из моих рук вслед за ветром, мама смеялась и охала, но я никому ее не отдавал. Это было только мое счастье. Я разделю его с тобой, мама, конечно, разделю, но не сейчас. Мне казалось, что я нес в своих руках домой разом целый магазин. Целый свой детский мир.

Прошел с тех пор уже не один десяток лет. Но и сейчас, вспоминая маму и детство, я обязательно вижу и мою черепашку, в которой папа потом катал меня по ковру, в которой я даже ел и иногда засыпал, положив голову на ее упругий бок. И сейчас я шепчу про себя: «Спасибо».

За тот опыт нежданного, небывалого счастья, которое можно однажды просто обнять и отнести через все ветра домой.

Часть первая

17 октября 2016 г.

Дом встретил серой сыростью и запахом лежалого белья и мышей.

Отбившись от радостно гавкающей собаки Белки, старой овчарки, которая хотела обязательно обтереться об меня всем телом, чтобы я больше никуда не уходил, переступил порог дома родителей.

Папа был еще на работе, в свои почти восемьдесят упрямец продолжает работать, проверяет на производстве чертежи молодых неопытных инженеров.

Однако ему уже тяжело жить одному, и тут уж выбора не было. Забрать его к себе, в благоденствующую Германию? Папа не хочет наотрез, он здесь привык. Переупрямить моего отца практически невозможно, оставить же здесь одного тоже нельзя. У двух моих сестер дети, карьера, они обе далеко и повязаны по рукам и ногам семьями. А мне что – давно разведен, живу один. Есть еще дальние родственники, но у них свои заботы и старики.

Карьера? Я работал вышибалой в германских дискотеках, потом выучился на социального работника, специализирующегося на помощи инвалидам и старикам. Помогать старикам – дело хорошее, но не тогда, когда твой собственный остался без помощи. Когда стало ясно, что придется возвра-

щаться к отцу, я два года копил средства. Сейчас еще пишу потихоньку статьи и колонки, говорят, интересно. Две книжки мои вышли в России. А не все ли равно, где писать. Теперь вот в кино снимаюсь иногда. Да и вообще, руки-ноги есть, все шевелится, вот мы с папой и проживем.

Четыре года назад из этого дома ушла моя мама. И не вернулась. Вот эта кровать на веранде, на которой она лежала все время болезни.

Я прошел по старым, гулким доскам внутрь комнат, таща за собой чемодан, который громко здоровался с каждой доской.

Трехцветная кошка Котася, которая еще старше собаки Белки, увидев меня, что-то муркнула себе вовнутрь и, соскочив с коричневого пуфика, подошла пободать мои ноги. Боднула пару раз и ушла досыпать.

Я поставил чайник. На середину комнаты спокойно вышла большая серая мышь и села на хвост посмотреть на меня. Все семнадцать лет своей жизни Котася мышей не ловила, а теперь, видать, и пахнуть перестала по-кошачьи, раз такой беспредел.

Не обращая внимания на наглую мышь, я налил себе в стакан крутого кипятка и бросил в него пакетик дешевого чая. Сел на скрипнувший стул, усмехнулся над странной жизнью моей и, подмигнув толстой мыши, сделал первый обжигающий глоток.

Новую жизнь лучше начинать именно так.

Чтобы довести дворовую овчарку до безудержного оргазма, нужно не гулять с ней без поводка несколько месяцев (папе гулять с ней в поле уже тяжело), а потом взять и вдруг погулять. Отец еще не вернулся с работы, а я допил свой чай, и мы пошли с Белкой к железнодорожному полотну, поезда проходят там очень редко, людей встречается еще меньше, а места побегать – сколько хочешь, степь вокруг.

Белка сразу пришла в экстаз.

Ай-ай – трава! Она пахнет! Ай-ай, листья, в них можно зарыться! Можно пописать где хочешь и, вы представляете, – закидать все это настоящей землей!

Палка летит! Я поймаю тебя, палка! И не отдам. Это моя добыча. На! Нет, моя. На! Нет, моя. Ну на же, наконец. Ох, как далеко летит, я не собака, я кенгуру, могу и прыжками. Исчезла.

– Белка!

Тишина.

– Белка, твою мать!

Из кустов появляется волчья морда. Одичала. Овчарки вообще быстро дичают.

У нее что-то в счастливой пасти. Для палки больно коротко...

– Зачем нам палка, я поймала СКУМБРИЮ! В лесу! Ди-

кую! Горячего копчения!

– Фу! Выбрось! Плюнь!

Кто-то выбросил из окна проезжающего поезда пакет с сопревшими продуктами, Белке на радость, мне на поругание.

– Хи, не-а.

Куски гниющей рыбы разваливаются между длинных клыков, я бегу за счастливой собакой-кенгуру, эта порода ест в прыжке. Вцепился пальцами в вонючий рыбий хвост.

– Отдай!

– А ты со мной делился?

– Велю тебе, собака, я твой господин!

– Чего? Какой ты мне господин, понаедут тут...

– А вот по загровку?

– Ох, подчиняюсь, мой повелитель, сейчас, только рыбку доем...

Бросаю вонючий кусок в водоем. Пусть рыба плавает. Собака порывается прыгнуть в воду, но даже в крымском декабре это будет холодно, и она делает несколько неловких прыжков вдоль берега, проводив полет рыбы тоскливым взглядом. Жизнь потеряна. Солнце сгорело. К чему это все?

Смотрит на меня с какой-то даже жалостью.

– Ну ты дура-а-ак...

Сам нахожу палку. Кидаю.

– Сам беги за своей палкой, я тебе что, debilka, что ли...

Скумбрию выбросить! Скумбрию!

– Знаешь что, будешь дуться, тогда пошли домой.

Пристегиваю поводок к ошейнику.

– Не умеешь себя вести, сиди во дворе.

– Не-е-ет! Ай-ай! Я больше не буду!

Тяну волка, смотрящего в лес, в сторону частных домов.

Однако собака и тут как ребенок – столкнувшись с неизбежностью, утешается быстро. Травка – пахнет! Листья – шуршат! Нюхаю что хочу! И писаю где угодно!

Вернувшись, долго сижу во дворе, глажу теплые собачьи уши, пахнувшие мокрым лесом, зверем и копченой рыбой недельной давности. Собака тоже гладит шелковой головой мои ладони. И чувствую, как в душу возвращаются тепло, покой и чувство, что все начинается...

Лучше собак – только люди. Некоторые.

* * *

Вернулись, вскоре в дом зашел папа, сказал: «О, приехал, привет!»

Мы обнялись, последний раз виделись год назад, а теперь вот я вернулся. Ну, потому что так надо.

Отмечаю про себя, что отец за этот год сильно сдал. Он все еще упрямо ходит на работу, на полставки, но с бытом справляется все хуже. С уборщицами папа ссорится, они у него изюм воруют, а нанять сиделку – не доверю я отца никому. Да и потом, они тоже стопудово изюм любят.

Здесь должен быть я. Потому пора приводить в порядок

наше жилье – «у вас невыносимый грязь, папаша, я выведу этот грязь».

18 октября 2016 г.

Сегодня я был в ударе, выпили с папой по два пива в честь моего приезда, и я устроил отцу вечер гитарной музыки. Слушали разные интерпретации гитарной классики, и я толкнул речь. Меня вела какая-то высокая сила, я говорил о флажолетах, пиццикато и особенностях фламенко. Дескать, смотри, папа, как твой сын за почти двадцать лет жизни в Германии окультурился.

Папа послушал-послушал, покивал, а потом говорит: «Ты выпивши лучше ни о чем не рассуждай. Ты, когда руками размахиваешь, становишься на нашего соседа Вадика похож».

А наш общий знакомый из моего раннего детства, сосед дядя Вадик, мало того что сидел по не очень хорошей статье, так еще и человек был очень средний, царство ему небесное, если он его заслуживает, конечно.

Я сказал, что и в Вадике, наверное, было что-то хорошее, и отсел от папы подальше, заявив, что больше о высоком с ним говорить не буду. Потому что он видит грязь, а не звезды. И все ушло в песок. Остался только бедный дядя Вадик. И вообще, папа на домработницу ворчит и на гитаре не занимается. Не хочу, чтобы у меня был такой отец. А другого нет. В детский дом мне поздно идти. Вадик! Я похож на дя-

дю Вадика!

Папа, смущенный, стал ходить по дому, ухватил раздолбанную гитару и стал показывать мне, как он любит на ней заниматься. И сказал, что я совсем на Вадика не похож. Просто я сейчас тоже выпивший. И ничего в песок не ушло.

Но я его еще не простил.

Завтра пойдем есть пирожные в его любимое кафе, и я, вспоминая его вчерашнюю бестактность, буду ронять горькие слезы в крем. А папа будет на меня смотреть и переживать.

И все будет как надо. Гармония – это счастье.

21 октября 2016 г.

– И мы с тобой теперь обязательно пойдем на радиорынок...

Папа пьет чай, как всегда, хитро и, как он, наверное, думает, хищно прищуривая глаз, прикрывая его от торчащей ложечки. На самом деле мне это только кажется. Левый глаз отца уже давно едва отличает свет от тени, а прижмуриваться глазом здоровым – это гарантированно заехать ложкой во второй.

Просто папа столько раз пил при мне чай, по привычке, оставшейся от студенчества, не вынимая ложки из стакана, что я понимаю: в душе он сейчас делает именно так. Хитро прищуривается и, наверное, кажется себе похожим на советского разведчика.

Радиорынок в Симферополе находится в такой заднице, что до дороги к нему руки не дошли даже у Путина, и один отец по таким расколдобинам к нему не пройдет. Тем более всю ночь шел дождь. Меньше всего хочется в воскресное утро шлепать куда-то по грязи. Но отец ждал меня, чтобы утром в выходной сходить на радиорынок. Посмотреть новый пульт для телевизора, ну и вообще...

Поэтому я одеваюсь, жду, пока папа допьет чай, найдет сумку, проверит, взял ли ключи, и, пока будет рыться по карманам, куда-то сунет сумку, а когда найдет, выяснится, что ключей-то и нет. Ты не видел? Они у тебя в руке. А, ну да, конечно. Пошли.

– Быстрее-быстрее, они не ждут!

Торопимся на маршрутку, нас ждет грязь, развороченный тротуар, холодно, но светит яркое солнце конца октября. Уже повод радоваться.

Садимся в микроавтобус и едем.

Отец всегда ходит в велюровой шляпе и затемненных очках. Советские разведчики ходят именно так. Германскую куртку, которую я ему привез в прошлый приезд, уже извозюкал в белой краске. Ничего, замажу чернилами сегодня...

Папа гордо осматривает пассажиров. Сын приехал. Из Германии. Он тоже разведчик.

Маршрутка едет куда-то не туда. Мы ошиблись номером. После короткой схватки в салоне с родным отцом между «Кто виноват?» и «Что делать?» выходим за километр от

нужной нам остановки.

– Вот же ж, твою мать.

– Папа, не матерись.

Оглядываюсь. Вся улица в желтой, светящейся от солнца листве, деревья, дома, дорога. Обращаю внимание отца на это, он машет рукой, но бурчать перестает. Папа только внешне разведчик, забывший, какой армии служит, а в душе он поэт.

Идем, внимательно смотрим под ноги, м-да, и здесь Путь не было... Асфальт весьма живописен, но это его единственное достоинство. Нечто подобное я видел в Гамбурге, в замершем зимой канале, там тоже серые льдины друг на друга... Хочу взять отца за руку.

– Пап, ну так удобней.

– Да не трогай ты меня, пошли-пошли, опоздаем.

Папа идет подчеркнуто уверенно и ровно, он у меня крепкий старик, презирающий трость. Настроение прекрасное, задумавшись, я невольно ускоряю шаг. Оглядываюсь. Отца нет.

– Ох, твою мать!

Папа нашел единственный свободный от асфальта кусочек мокрой земли и прилег.

– Папа! Ну ни на минуту нельзя оставить!

– Да как я, сам не пойму...

Поднимаю отца, так, ну, чернила уже не понадобятся. Весь рукав заляпан черной, жирной грязью.

– Шляпу! Где моя шляпа?

Надеваю отлетевшую в кусты шляпу отцу на седую голову. Я идиот. Ну конечно, старый, еще брежневский асфальт – это только для меня живопись, для отца, лишённого бинокularного зрения, это минное поле. Мне он ничего не сказал, вдруг мы не пойдем на радиорынок. И потом, папа мужик.

– Ударился?

– Да нет, ерунда. Ногой зацепился за что-то.

Идем дальше. Я держу отца за руку, он не вырывается. Что ж теперь, облажался, так не чирикай. Впрочем, на самом деле облажался я.

Люди на нас оглядываются. Длинноволосый мужик в старой байкерской косухе ведет за руку мужика пожилого, в шляпе, одетого в хорошие вещи, но зачем-то покрытые слюем грязи.

Пытаюсь отца обтереть.

– Не трогай! Пусть обсохнет, щеткой потом... Идем-идем. Это пустяк. Вот я однажды упал, носом ударился, кровищи было!

– Нашел чему радоваться.

Мы идем на радиорынок. Быстро находим нужный нам пульт от телевизора. Надо же, в треть цены, от которой рассчитывал папа. Я недоверчиво осматриваю только что купленный пульт. Папа счастлив.

– Максим, где он их берет, как ты думаешь?

– Ворует.

– Да не. Просто, наверное, это уже старая модель телевизора, а на складах остались пульты, вот он их и скупает по дешевке.

Очень может быть. Папа технарь и логик.

– Пойдем другой дорогой, я знаю, как выйти на остановку к гастроному.

Я крепко держу отца за руку, ладонь в ладонь. Похоже на махание после драки кулаками, но дорога и здесь не сказать чтоб ровная.

– Да, пришло время, мне уже одному далеко не гулять...

– Папа, может это... того... тебе уже не надо ходить на работу?

Отец смотрит на меня глазами ребенка, у которого хотят отнять любимую игрушку.

– Ты что! Да я там себя чувствую молодым, там без меня... да эти новые инженеры... вот еще, придумал!

– А если ты опять упадешь?

– Да с чего? Там ровный асфальт, от дверей до дверей на маршрутке...

У отца очень приятная ладонь. Сухая, теплая и гладкая, как старая мебель. У него всегда были красивые руки, не как у меня, крестьянская пятишка. Только... что это? На моей ладони кровь.

– Ну-ка покажи!

– Да ерунда.

Папа разодрал себе руку. И молчит. Он так хотел на ра-

диорынок...

– Папа, блин!

– Не трогай шляпу, пойдём!

Так и есть. Под шляпой обнаруживаю здоровую ссадину над ухом.

– Ого... мать твою налево...

– Не матерись при отце!

То-то он требовал скорее надеть шляпу. Разведчик всегда остается разведчиком.

Уже говорил, что я идиот. Если бы не надежда отца когда-нибудь все-таки увидеть внуков, я б оторвал себе яйца. Сноровку потерял, а с ней и бдительность. Все еще воспринимаю отца молодым. Как с ложечкой в стакане. А ее давно нет, ложечки этой. И глаз почти не видит.

Заходим в автобус. Молодая женщина хочет уступить папе место, он грустнеет.

– Да вы что, девушка, он у меня еще крепкий мужик.

Папа благодарно смотрит на меня и гордо выпрямляется. Из-под шляпы виден край ссадины.

– Ой, а что это у него...

– Это он подрался.

Папа счастлив. Как удачно съездили, и день такой хороший. Солнце. Пульт купили за треть цены. И почти не разбились.

Дома, обработав ссадины отца, чищу щеткой его одежду. Папа сидит ко мне спиной и удовлетворенно пьет чай. Я

смотрю на его уже давно белоснежный затылок и чувствую, как он, когда подносит кружку ко рту, как всегда, еще со времен моего детства, прижмуривается.

Невольно улыбаюсь. То, что мы видим глазами, это ерунда. Если б еще не эти расколдобины на асфальте...

22 октября 2016 г.

Когда-нибудь научиться бы относиться к жизни и смерти, как родительские кошка Котася и собака Белка.

О, Макс пришел! Приве-е-ет! Ушел? Ну, значит, так надо, жизнь идет дальше.

И не важно, на сколько пришел и сколько меня не было, вышел за хлебом или вернулся через несколько лет, – рады тебе всегда одинаково. И на сколько ушел, за хлебом или навсегда. Жизнь идет. Утро-вечер. Ты здесь, и они этому рады. Ты уходишь, что ж, значит, пора.

24 октября 2016 г.

Папа сварил компот. Варил он его долго и старательно, с медитативным выражением лица помешивая в кастрюле. Когда компот немного остыл, папа перелил его в банку и накрошил поверх свою гордость – выращенные в кадке лимоны. Потом он долго его хвалил и настаивал, чтобы я выпил еще кружечку.

Я пил, потом еще, а потом не смог. Ну, разве что за папу еще одну.

Компот, однако, посмотрел на меня, посмотрел и на второй день заплесневел. Так бывает. Почти три литра прекрасного компота. С лимонами.

Папа пришел с работы, увидел банку и понял, что его предали. Причем сразу двое – и сын, и компот. Сын так и не выпил еще кружечку, а компот вырастил на лимонах грибы. И все ему, конечно, назло.

Папа издал крик отчаяния. Он схватил банку с компотом на руки, покачал, как ребенка, и стал думать, нельзя ли извлечь из него хоть немного пользы.

– Папа! – закричал я.

– Я вылью-вылью, – соврал папа, не отрываясь от своих мыслей.

Диалоги мои с отцом весьма кратки и лапидарны, мы с ним общаемся на беззвучной волне, лишь иногда переходя в звуковой диапазон.

– Я сам вылью, – сказал безжалостный я и, выхватив у него банку, побежал к унитазу.

– Нет! – закричал папа, простирая ко мне руки.

– Папа! – снова парировал я.

Папа сказал, что в унитаз компот выливать нельзя, канализационная цистерна уже почти полна, и незачем в такую сырую погоду приближать страшный момент ее очищения.

Я, как послушный сын, на бегу изменил траекторию и помчался в ванную, неся весело булькающую банку на вытянутых руках, словно обделавшегося младенца. Плевочки пле-

сени, плавающие на поверхности мутной жидкости, приветливо замахали папе парусами, предлагая их спасти.

– Нет! – снова закричал папа.

– Я в раковину.

Папа начал делать рубящие движения кулаком в воздухе, словно бил по спине мое согнувшееся перед ним астральное тело. Раковина постоянно забивается, и компот сделает так, что мы не сможем больше умываться.

– Компот жидкий! – крикнул я, но папа, стуча босыми мослатыми ногами по гладким доскам пола, уже меня настиг и выхватил банку.

– Я сам вылью, – буркнул он и, хитро улыбаясь, стал надевать тапочки, собираясь выйти на улицу.

– Я тебе не верю, – сказал я и пошел за ним.

Папа долго искал помойное ведро, которого в жизни во дворе не было, потом, надо же, нашел чистое и стал аккуратно выбрасывать в него компот.

– Я туда тапок положу, – пообещал я.

Папа посмотрел на меня испуганными глазами, потомглянул на свои чистые тапочки, которые мы только вчера постирали, и кивнул.

– Да клади чего хочешь, – проворчал он и пошел в дом.

– Папа! – вслед ему с отчаянием сказал я.

Папа обернулся.

– Ну, я потом вылью на улицу, – соврал он снова.

Когда я зашел в дом, отец уже сидел на диване и от из-

бытка хитрости что-то мурлыкал себе под нос. Выдала его привычка к одиночеству.

– Перекипятить, перекипятить, – стал незаметно для себя напевать папа и вдруг перехватил мой взгляд. И понял, что все кончено.

Я вышел во двор, видя, как он следит за мной через окно обреченными глазами, еще на что-то надеясь. Но я твердой рукой взял ведро и стал выливать компот в клумбу.

– Не туда! – снова ударил кулаком воздух папа, пытаюсь хотя бы возглавить процесс.

– Почему? – резонно спросил я.

Но папины удары кулаком слабели пропорционально количеству жидкости в ведре, и в конце он просто махнул рукой.

Я зашел в дом, решительностью движений подчеркивая, что сделал жестокое, но необходимое дело. Папа не хотел со мной разговаривать. Долго чесал себе шею и спину, бормоча: «Эх!», и, лишь уходя в спальню, обернулся и буркнул:

– Вы с сестрой так похожи. Та тоже...

И снова обреченно махнул рукой. Дети удались ему явно хуже, чем компот.

25 октября 2016 г.

Афганская женщина по традиции ест только то, что оставит ей после трапезы муж. Он ее может таким образом уморить голодом, если захочет. Но это с одной стороны. А с дру-

гой – любящий муж оставит ей лучшие кусочки, сделав из этого безобразия лайфхак и превратив его в акт заботы и любви.

Мы оба с папой любим пить чай из пакетиков.

Папе нельзя крепкий чай. Поэтому он, как кот со стола, таскает у меня из чашки заваренные чайные пакетики и заваривает их второй раз. Этим он достигает сразу двух целей: следит за здоровьем и, как ему кажется, экономит.

А я очень люблю крепкий чай. И каждое чаепитие превращается в акт любви пополам со здравым смыслом. Эдакий не существующий в природе баланс.

С одной стороны, папе нельзя крепкий чай, а я пью только такой. С другой – мне хочется, чтобы он выпил нормального чаю, а не бледно-лимонной водички. С третьей стороны, ему ничего другого и нельзя. А с четвертой – я теперь достигаю искусства заварки чая на грани, когда весь вкус и цвет не ушел в мой, но мне его пить еще можно, а папе уже не вредно.

В жизни столько смыслов, что даже смешно останавливаться на одном.

29 октября 2016 г.

По тому, как лают собаки во дворах, я понял, что в Крыму наступают холода. Собака в мороз лает с удовольствием, гулко, с особым эхом. Чуть помахивая хвостом, мол, не со злости лаю, а просто служба, просто облака пара из пасти с

таким звуком летят.

На замерзшей утренней траве – иней.

Выйдешь во двор, дверная ручка жжет холодом, тапки в зимней спячке, будто и не твои, воздух в легкие войдет свежий, промороженный – пить можно. Ткнется мохнатый, теплый лоб тебе в руку, что, мол, встал – жрать давай, я тут на чашку каши себе нагавкал уже.

За ухо схватишь, и оно – теплое. Взвизгнет мохнатое чудовище от радости, тут же горячей пастью тебе руку прихватит.

Тихо по утрам. И только собачий лай, как переключка, из двора во двор: «У нас мороз!» – «И у нас!» – «Я на посту!» – «И я!»

1 ноября 2016 г.

Папа у меня тонкий и нежный, как цветочек. Вот подснежник видели? Что-то вроде того, с детства и до сих пор, хотя ему уже семьдесят семь.

Папа, в отличие от меня, очень интеллигентный человек, по образованию авиаконструктор с кучей авторских свидетельств, и любовь к классической музыке мне привита именно им, когда он мне, подростку, платил по полтора рубля за то, что я ходил с ним на концерты симфонического оркестра. Потом он скрысятничал и с чисто интеллигентской бесчестностью заныкал мою долю: платить перестал, но я уже по привычке, угрюмо бурча, ходил с ним на концерты. А потом

и бурчать перестал. Понравилось.

Однако папа, будучи нежным подснежником, вырос в послевоенной Караганде, со всеми вытекающими последствиями в виде нищеты и шпаны на улице. Поэтому я, будучи шпаной великовозрастной, когда мне надо на папу повлиять, вспоминаю, что когда-то был байкером и плохим парнем, и начинаю, подбоченясь, лихо чего-нибудь ему заливать. Папа, моргая своими огромными, как у верблюжонка, глазами, внимает мне в эти минуты. А потом, попадая под дурное влияние, начинает мне подражать. Мне кажется, еще немного, и я научу его курить и тырить пирожки в магазине.

3 ноября 2016 г.

Опять дети гору фантиков у папы перед воротами набросали. Постоянно крутятся здесь, по составу мусора легко определить возраст негодяев. Играют неподалеку.

Выбрал самого старшего, лет шести.

– Мужик, иди сюда.

– А? Вы меня зовете?

Подошел, с ним еще две девочки, чуть помладше.

– Это вы мне тут перед воротами сорите?

– Нет, это Паша! Он знает, что дедушка один, и нарочно, он вон там живет...

– Передайте ему, что еще раз намусорит здесь – и я его поймаю и съем.

Дети смотрят на меня с уважительным ужасом. В нашей с

папой семье – корейские корни, а кто знает, что могут есть корейцы. Слухи ходят очень нехорошие. Наконец одна из девочек, та, что поменьше, осторожно спрашивает.

– А вы его порежете сперва, на куски?

– Нет, целиком. Посажу в свою большую кастрюлю и сварю.

Дети разбежались, не испуганно, но от греха подальше. И только младшая девочка все оглядывалась на меня, с восхищением. Не любит Пашу, наверное.

4 ноября 2016 г.

Собака Белка меня не слушается.

И мне это на самом деле нравится.

Может быть, это с точки зрения собаководства и неправильно, но мне, как всегда, наплевать. Мне гораздо интересней собака Белка как мыслящее, самостоятельное существо, а не прусский солдат.

Выпал снег поверх опавшей листвы, гуляю с ней ночью по пустым заснеженным улицам нашего поселка. Время идти домой – пролетает на полном скаку мимо наших ворот.

– Белка! Домой!

Не снижая темпа бега:

– А?

– Сука такая!

– Ну прям уж...

Короткими перебежками удаляется от меня. Все как все-

гда – это, мол, игра.

– Я не шучу, между прочим!

– Та шо вы говори-и-ите...

Валяется в свежем снегу, отфыркиваясь, увлеклась и не успела отскочить – поймал жадными руками за хвост и заднюю лапу.

– Ну, скотина, погоди у меня...

– Хи-хи! И что будет?

Что-что... Как всегда. Треплю овчарку за холку, будто хочу ее постирать в зимнем воздухе, страшно рыча.

Собака Белка бултыхается в моем кулаке, закатив глаза под лоб и затянув одну ноту, как акын, забывший слова: «Ах-м-м-м...» – ожидая, когда эта ритуальная казнь кончится.

– Паршивка, обезьяна, тварюга...

Тащу ее за шкурку в сторону дома, запихиваю в ворота.

– Больше без поводка не пущу!

– Ой, сам веришь в то, что сказал?

– Нет, конечно.

Довольно отфыркиваясь, трется мордой о дворový диван, о свой коврик, о мои колени.

– Если б ты знал, какой это кайф валяться в белом снегу!

Смотрю на мохнатую, усыпанную снежной крошкой, улыбающуюся морду. И сам улыбаюсь. Хорошо все-таки, что она меня не слушается.

Что в послушании хорошего? Да и разве я сам знаю, как надо...

Когда-то, когда у папы случился ночью гипертонический криз и он даже не мог позвать на помощь, Белка разбудила маму и повела ее за собой, к отцу.

Она это забыла давно, а я помню. Я уважаю тебя, собака Белка.

5 ноября 2016 г.

Моя двоюродная сестра, восточная красавица Саша, живущая в соседнем городе, прислала нам с папой в честь новогодних праздников круг корейской кровяной колбасы.

Вы знаете, что это такое? Если меня не пустят в рай за чревоугодие, то я покажу полкруга этой колбасы, это будет смягчающим обстоятельством. Полкруга, потому что другую половину съую по дороге в рай. А эту съест ангел.

Делать ее очень сложно и долго. Она состоит из белого риса, черной свиной крови и разных пахучих травок. Она упругая и разваристая одновременно. Ее можно съесть ведро, только никто вам не даст столько. Мы с папой три дня ходили вокруг этого подарка и пихали его друг другу. Дипломатическая война шла с переменным успехом, я ее понюхал, а папа даже отъел кусочек. Он у меня уже маленький.

И теперь каждое утро папа оставляет мне колбасу на столе, в кастрюльке с крышечкой и запиской «Съешь колбасу».

Я ставлю колбасу в холодильник, вернется папа с работы, поужинает.

Наутро колбаса опять на столе.

– Почему ты не ешь, сгниет же.

– Папа, ты же знаешь, я никогда ее не любил.

Это наглое вранье. Нельзя не любить корейскую кровяную колбасу. Даже посмотреть на нее хватает, чтобы разыгрался аппетит.

– А почему ты не ешь?

– Сам ешь, мне не хочется, я на работе хорошо пообедал.

И наконец этот день настал. Я открыл крышечку утром, чтобы посмотреть на колбасу, и забыл закрыть...

– Ты что! Как ты мог!

– Папа, я торопился.

– О горе мне, о ужас!

– Папа, ну это всего лишь колбаса...

Папа бессильно и отчаянно машет рукой в воздухе, как подросток-танкист, обнаруживший, что, пока он был в школе, родители стерли его аккаунт в «Ворлд оф танкс».

Кошка Котася подошла к нам, дескать, чего вы орете, лизнула пол и, подняв голову, ясно сказала: «Еще». Папа держит в руках пустую колбасную кожицу за хвостик, как сдохшую от голода мышь. Смотрит на Котасю.

– Папа, не надо ее обижать, она не соображает...

– Эх... странно, кошки не едят эту колбасу.

Это правда. Там рис и разные травки. Кошки не едят сильно пахучее. Я погладил Котасю по твердой, костяной от старости голове. Она потерлась о мою руку, сказав по-кошачьи «спасибо». Конечно, она ее съела. Пока мы пихали ее с па-

пой друг другу, эта колбаса пропиталась нашей любовью.

Наша любовь друг к другу оказалась сильнее любви к корейской кровяной колбасе.

6 ноября 2016 г.

Сегодня была прелестная ночь – старая, еще мамина кошка Котася, впавшая в старческий маразм, начала орать. Просто так. По причине маразма.

Орала всю ночь, завывая, как вмурованный в стену черный кошак Эдгара По, а к утру свернулась клубочком и мирно заснула. Зато тут же проснулась собака Белка, которую в такой холод после дождя мое сентиментальное германское гражданство не могло оставить в конуре и запустило в дом. Проснулась и, обнаружив, что начинается рассвет, решила, что в ее службу входит немедленно разбудить германского гостя, чтобы он не пропустил такую крымскую красоту. Ну и справиться нужду ей захотелось заодно.

Уснуть, когда в тебя тыкаются чем-то твердым и мокрым, пусть даже из лучших побуждений, практически невозможно. Наверное, поэтому ни одна женщина, даже с самым бездарным мужчиной, во время этого процесса не заснула.

В общем, ночью я не спал ни минуты.

Надо сказать, что сегодня мне предстоит стоматологическая, но все-таки операция, которую в Германии делать слишком дорого, а в Крыму еще туда-сюда. Пустяк, но под небольшим наркозом.

Не спав ночь, решил хоть кофе попить, перед тем как отправляться в клинику.

И тут проснулся цветок души моей и свет моих узких глаз, мой нежный папа. Он плохо слышит, потому кошачьи завывания для него раз плюнуть, а против собаки в доме он протестовал сразу, поэтому проснулся папа в прекрасном настроении. Однако продлилось оно недолго. Папа узнал, что я собираюсь ехать в клинику – о, ужас – на такси!

С точки зрения папы, переться по утреннему морозцу до остановки, ждать там переполненную маршрутку, которая ходит в тот дальний район раз в полчаса, после еще час трястись в дороге и стоять в пробках, а после разыскивать с картой в руках неизвестную мне клинику – прекрасная подготовка к операции и завершение бессонной ночи. А все остальное – безалаберное, чисто европейское транжирство. На все мои сперва спокойные аргументы он, пафосно простирая руку, кричал: «Я поеду вместе с тобой!» – намекая, что он готов разделить со мной все трудности дороги. Мне уже казалось, что он готов сесть на телефон, лишь бы я не вызывал такси.

И тут я взорвался. Я сказал, что у него, как у всех интеллигентов, есть только мозг и совсем нет души. Что легче у нашей кошки найти совесть, чем у него сердце. Что он – робот Вертер. А я – приемный сын. И что эти жалкие копейки, которые я сэкономлю, на которые в безалаберной Европе даже в метро не проедешь, будут сниться ему всю жизнь,

если я помру под ножом. Надо сказать, что после сегодняшней ночи мои нервы были несколько взвинчены и, боюсь, я повысил голос несколько более допустимого для разговора с отцом почтительного сына, пусть даже приемного. Кроме того, по поводу возможного летального исхода я несколько драматизировал, помереть в ходе сегодняшней операции я мог бы если только от злости.

Потрясенный моим эмоциональным всплеском, папа, как и положено интеллигенту, испугался ответственности, напоследок, правда, заметив, что мы с сестрой одинаковые – то есть чуть упрямер осли, и ушел досыпать.

Я же сейчас пишу эти строчки и готовлюсь заварить себе кофе. В доме наконец воцарилась тишина.

Однако, вот увидите, ненадолго. Если я знаю своего отца, он во сне наберется сил (а уехать я еще не успею), и мне придется выслушать еще более весомые аргументы в пользу маршрутки, сказанные теперь убедительным, задушевым голосом, каким обычно разговаривают с роженицами и буйнопомешанными.

Ах, как жаль, что нет уже мамы. Вот бы она ему врезала! Тут бы и ее любимой кошке досталось, потому что меня она любила даже больше нее.

На самом деле все в порядке. Просто папе уже семьдесят семь, а Котасе семнадцать. А мне, блин, сорок три. Ни туда ни сюда.

7 ноября 2016 г.

С мамой и папой жили две кошки. Когда родители только приехали в Крым, им принесли с рынка светлого котенка. Девочку. Ее называли Муся. Она хорошо ела и была веселой, однако вскоре вымахала в настоящего рыжего крысолова с холодным взглядом рыси и складывала серых длиннохвостых врагов величиной больше самой себя рядами на пороге подсобки. Мама не нарядовалась на такую охотницу, и были они по характеру чем-то схожи. Муся из-за своей хищной и одновременно сдержанной натуры быстро превратилась в Мусяку, самурайское имя ей подходило больше. Мусяка вскоре родила дочку Котасю.

Характер Котаси тоже соответствовал ее имени. Видимо, пошла она в своего кота-отца, а сильные, жесткие женщины часто выбирают себе в мужа мягких мужчин. Котася только и делала, что ластилась, мурчала и спала на мягких подушках, и даже мышей толком не ловила. Мама говорила: «Котася очень ласковая кошечка, а Мусиного взгляда даже ветеринар испугался». А папа говорил «да надоели они обе» и «эй, ну-ка пошла!». Котася и Мусяка не дружили, уж больно характеры были разные. Но Мусяка всегда отходила от чашки с едой, когда к ней подходила Котася, уступая пищу дочке: отношения отношениями, но этикет и положенные церемонии она всегда соблюдала. Недаром Мусяку не только любили, но и уважали.

Шло время, сыпал редкий крымский снег на крышу дома

родителей, раскрывались первые весенние цветы в мамином огороде, лопались августовские арбузы во дворе, ветер подметал камни у входа в дом желтой сентябрьской метлой. И так восемнадцать раз подряд. И ничего не менялось. Но еще через одну весну ушла из дома мама. Навсегда. Вы знаете, дом с мамой и дом без нее – это два разных дома, хотя папа вел хозяйство исправно и так же говорил живности, живущей в нем: «Эй, ну-ка пошла!» А еще через год сошла с ума самурайская Муся. От старости, такое бывает. В свои девятнадцать кошачьих лет она все так же ловила мышей, как и раньше, оставаясь отличным охотником, но вдруг стала чудить – с детства приученная к лотку, стала ходить в туалет как попало. Впрочем, в этом прослеживалась некоторая систематичность, так что, может, это и не было сумасшествием, слишком прицельно она досаждала отцу. Могла сходить на обеденный стол, например. Или в раковину с посудой. Я думаю, она хотела что-то сказать, но так как русским языком не владела, вынужденно перешла сразу к радикальным мерам.

Папа у меня очень пожилой человек, и ведение домашнего хозяйства и так давалось ему непросто, а тут еще и дальняя родня приехала издалека к нему в гости. И в три голоса стала убеждать его, что, мол, пора Мусю усыпить. Папа не соглашался, но ситуация стала невыносимой, поэтому он повздыхал, помучился и однажды поддался уговорам родни, которая, посадив Мусяку в корзину, вынесла ее в крымский

июньский лес. Муся сама выпрыгнула из корзины и тут же скрылась из глаз в листве и зелени. Как и мама, навсегда.

Я не могу осуждать за отца за бездействие. Да и трудно осуждать человека за решение тягот, которые, в общем, должен был решить ты, будь ты рядом. Меня рядом не было. Но горечь в душе осталась.

– Папа, – сказал я тогда, – а если ты сойдешь с ума, мне тоже тебя отнести в лес и отпустить?

Папа осознал. Но что сделано, то сделано. И конечно, я папу не понесу в лес, и он это знает, тем более что он не кот и мышами не прокормится. Да и какой из него охотник.

И теперь состарилась Котася. Нет, раковина, к счастью, пока не превратилась в кошачий туалет. Она просто носится по ночам по дому и истошно орет. Это классическое проявление кошачьей деменции, если что. Хорошо, папа плохо слышит и не просыпается; впрочем, и он иногда кричит из спальни: «Кошка, заткнись!» Я же не кричу. Кошка все равно не понимает. Не высыпаюсь молча.

А вчера сидели с отцом на веранде, разговаривали, и вдруг в углу из щели снова показалась робкая мордочка мышки, на этот раз маленькой. Поняв, что мы добрые, выбежала на середину комнаты. Мыши как дети, чуть что – обнаглеют. Мы с папой посмотрели на сидящую на диванчике Котасю. Котася посмотрела на нас. Потом на мышку. Потом опять на нас. Дескать, что сидите, не ловите? И опять прикрыла глаза.

– Дармоедка, – сказал папа.

Я погладил Котасю по твердой голове. Она беззвучно открыла рот.

– Не дармоедка, а просто – Котася на пенсии.

Мышь я поймаю сам. Бутылочкой, есть такой способ. И выпущу ее в лес. Вдруг там Мусяка бродит...

8 ноября 2016 г.

Это фантастика! В Симферополе, впервые со времен Хрущева, таки сделали дороги! Дошли руки у Путина!

Я знал в этом городе каждую расколдобину. Помню, девять лет назад, когда мои друзья, байкеры-немцы, собирались ехать в Крым на мотоциклах, я поднял их на смех – «колеса донесете на себе, если сможете ходить». А теперь – трассы не хуже, чем в Германии, даже на окраине города. Асфальт очень хорошего качества к тому же...

Я не знаю, кто там прав, кто виноват в этом конфликте с Крымом, мне, в общем, начхать. Буду рубить всех, кто полезет грабить папин дом, не дай бог. Помню Куприна, как в одной из его повестей солдата-татарина, плохо понимающего по-русски, довели до того, что он взял ружье наперевес и на все попытки своих товарищей и даже своего начальства его успокоить отвечал только одним словом: «Заколу!» Вот так чувствую себя примерно.

* * *

Папа, разогнав домработниц, вел хозяйство один.

Судя по тому, что у собаки Белки утратилось человеческое выражение лица, а кошка Котася потеряла индивидуальность и стала обычной кошкой, я понял, что приехал вовремя. Папа раздарил все мамины домашние цветы, и я как-то впервые почувствовал, что ее нет в доме. Голые окна, облупившиеся рамы...

Что остается от нас? Дети, наверное, дети только. Это, конечно, не мы, но все-таки.

* * *

Зашел в парикмахерскую обрезать кончики, девушка-подмастерье уставилась на меня, потом сказала «садитесь» и первобытно добавила: «Может, мне на вас сесть?»

Дикие и прекрасны крымчанки, так было всегда. Сказал ей, что я в отношениях.

9 ноября 2016 г.

– Сколько вы с матерью вбивали мне в мозг, что я раздолбай, а это генетика!

– Да ничего подобного, что ты орешь, вот, вот этот листок!

– Там старые пароли, выкини его.

– Да ничего не старые, разбираешься ты тут...

– Папа! Я столько раз с пеной у рта орал, чтобы ты выпи-сал себе новые пароли на листочек и положил под компью-тер. Орал?

– Да ничего ты не орал, выдумываешь мне.

Папа забыл оплатить интернет, и его отключили. Мы уже все оплатили, но интернет, подключенный снова, требует ло-гин и пароль. Папа их забыл.

– Это генетика. Ну почему у меня такие родители!

– Ничего не генетика, вот, вот эти пароли.

– Это старые пароли!

– Ну и что!

Эта история уже была год назад, и я, полночи просидев на телефоне с поставщиком интернета, снова добился вирту-альной жизни для папы. Новые пароли и логин мы записали на бумажку. Бумажку папа потерял. Хотя он уверяет, что ее украла домработница вместе со стаканом изюма. Я помнил папин пароль наизусть и хотел записать его снова, но папа сказал: «Запишешь ты, знаю я...» – и забыл об этих мелочах. Ну и я тогда пароль забыл, мне больше всех надо, что ли...

– Ты понимаешь, что пароль – это ключ от дверей в твой дом, и ты его потерял!

– Вот, у меня есть пароль от почтового ящика, набери, может, подойдет...

– Папа, это другая дверь!

– Какая дверь? Выдумываешь тут. Пароль – он и есть пароль.

После часа упорной войны компьютер удалось обхитрить, и папа виртуально ожил. Вот тебе твоя любимая певица Лежнева – слушай. Вот тебе Ютуб с твоим балетом Эйфмана.

...Собака Белка забила в будку, и ни звука. Собаки не любят, когда в доме орут. А мы с папой, убедившись, что Лежнева на месте, пьем принесенное мной пиво. Мой лучший собутыльник, если что.

10 ноября 2016 г.

У нас семья анархистов. Последние дни ухожу, когда только встает солнце, и прихожу, когда его уже нет. На анализы всю кровь выкачали, всю мочу отобрали. Печень здорова? – здорова, а почки? А больше у вас ничего не болит, мужчина? Знаем мы вас, приехали тут из своих Германий и хотят наших российских женщин. Таков порядок въезда иностранца в Россию, я ведь уже как восемнадцать лет гражданин ЕС.

Семья мне усиленно помогает.

Кошка орет до утра, собака ночью взломала дверь и сожрала все, что нашла в доме. На мои слабые угрозы сквозь сон, что я сейчас встану и устрою живодерню на дому, не реагировала, только помахивала хвостом, дескать, хозяин, я знаю, что ты бог и ты этого не сделаешь.

Папа в шесть утра полез распутывать телефонный шнур и ругался так, что я решил, что я не сын главного конструктора.

ра в прошлом, а пасынок грузчика с пивзавода. Причем папа ругался в дверь моей спальни специально, потому что, конечно, телефонный шнур запутал я и должен быть наказан. Кому же еще путать шнур?

Сегодня, с головной болью, снова чуть не проспав, замерзая в длиннющей очереди, выходящей на улицу, с удовольствием наполнил им все пробирки своей кристально чистой немецкой мочой и, вернувшись домой, от души задал всем жару за вчерашний концерт.

Котася, как самая умная, скрылась под диван – маразм маразмом, а жопа-то болит. Остальным прилетело по первое число.

Собака Белка, обнаглев с ночи, зашла в жилые комнаты уже уверенным шагом, но, увидев мое лицо, с визгом бросилась во двор. И правильно, мой тапок едва-едва не долетел до ее задницы.

Папа, стоически стерпев все упреки, узнал, что в нем нет ни капли жалости и он пережил свой стыд, и был назначен дежурным по кухне. Варит чего-то.

А я пойду за пивом. Я его честно наорал.

11 ноября 2016 г.

Насилие иногда творит чудеса. Такая тишина в доме! Папа тихий как мышь, Котася онемела, собаки не видел до сих пор.

Сегодня впервые за эту неделю отоспался.

Смотрю на ноябрьское солнце в окне, пью кофе и думаю, что все-таки должен быть другой путь...

12 ноября 2016 г.

Так интересно наблюдать, как я изменился за столько лет жизни в Германии. Вот уж не думал, что стал немцем не только по паспорту, всегда считал себя если не носителем российского менталитета, то уж точно удачно примазавшимся.

У меня, оказывается, каждая вещь на своем месте, я знаю, где она, это очень удобно. Нет, очки могут лежать на зеркале, например, но тогда там их место. И если мне нужно их снять, то я иду к зеркалу. С резинкой для волос то же самое. Прежде чем помыть голову или потрясти кудряшками, я кладу ее на полку в ванной. Всегда. И все. И никаких.

Сегодня протягиваю руку – полочки нет. Вселенная рухнула, сбой матрицы, когнитивный диссонанс. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. «Папа, где моя полочка?!» – «А я ее в туалете приспособил». Как это так? Это же полочка для ванной, она сломается в туалете! Это же логично, нечего тут фантазировать.

Когда очки нужны мне, я не задумываясь иду к зеркалу, а когда очки нужны папе – папа растерянно ходит по всему дому и зовет их. И это мой рациональный папа-конструктор. Сделал ему коробочки для очков и телефона, по всему дому развесил, чтобы далеко не ходил. Посидел за компьютером –

положи очки в коробочку, вот она. Пришел из магазина, вот коробочка у входа, как раз под рукой, положи телефон туда, будешь уходить – протянешь руку, возьмешь. В результате в этих коробочках либо пусто, либо Котася спит. А папины очки снова шастают по дому где попало.

«Папа, отдай мне кухню полностью, будем питаться здоровее и экономней по времени». Не отдает. Боится. Вдруг теперь каждый витамин встанет строем. Это я-то, в походах с удовольствием пожирающий доширак! Но то поход...

Да, это мелочи. Желание просчитать жизнь на два шага вперед, структурировать все, доверие продавцам и чиновникам – откуда во мне вся эта херня? Надо бросать эти привычки. В России жизнь не просчитаешь. Тут импровизировать надо.

* * *

У меня железные нервы. У меня железные нервы. У меня...

Дело в том, что у папы в доме завелись земляные блохи. Это маленькие таракашки такие, которые кусаются так, что у вас потом красные волдыри по всему телу. Папа к ним как-то привык – или они к нему и почти его не кусают, а тут появилось свежее мясо в моем лице, и блохи стали жрать меня так, что я стал кричать по ночам не хуже Котаси.

Сегодня решили травить. Папе какой-то идиот сказал, что

нужно протереть все гладкие поверхности уксусной эссенцией, но уксуса в доме нет. Собрался в магазин, но папа зубами вцепился в мою куртку – уксус есть, его не может не быть, а мне, раздолбаю, лишь бы деньги потратить.

Ищи, никчемный сын! Обыскал весь дом, ради папы пойдешь искать не знаю что не зная куда. Уксуса нет.

Но его не может не быть! Второй час лицезрею зад собственного отца, затянутый в синее трико, папа на четвереньках ищет уксус, может, он в кошачьей чашке? Ну раз его нигде нет, значит, он там, головой думай.

– Всё, папа, найдешь – ты мне шалабан, не найдешь – я тебе.

– Ладно.

С первого щелчка вышибет ум у старика.

Чувствую, кончится тем, что кто-то из нас сдаст другого в детский дом.

С шалабаном, однако, придется подождать. Папа уксус так и не нашел, но не сдался, будет искать. Видимо, всю жизнь. Блохам тоже придется подождать.

13 ноября 2016 г.

Пришел домой уставший, замерзший и злой, наварил отцу его любимой пшенной каши. Придет, думаю, после работы с холода, а тут его любимая горячая каша! Зажарил сала с луком, заправил.

Папа кричал два часа. Да зачем столько наварил, да он

знает, где пшенка (копеечная пшенка!) дешевле. Это я еще сало с луком успел влить в кашу до его прихода, а то отдельный скандал был бы.

Каша, однако, поел. С удовольствием. То-то мне и радость. Хорошо ест, не отдам его в детский дом. И в интернат для трудных подростков не отдам. Он же меня когда-то не отдал. В зоопарк не отдам тоже. Все звери с ужасом разбегутся, на фиг.

Зато кошка Котася вроде бы перевоспиталась. Вот что значит – вовремя по жопе. Орет и бегает днем. Уже несколько ночей тишина. Переместилась для ночлега из спальни отца ко мне. Прямо над головой теперь спит, на подоконнике, и иногда спускает хвост прямо мне на лицо. По ночам я слышу уютное кошачье причмокивание во сне. Ей, наверное, ее мама, кошка Мусяка, снится.

Скоро зима.

14 ноября 2016 г.

Что-то ушло.

Я сидел сегодня за столом в любимом симферопольском баре «Бочка Патрика», созданном моим давним приятелем Игорем в стиле пещеры хоббита, и даже фотография дьяка Кураева, присевшего в уголке бара с кружкой темного пива, прекрасно дополняет интерьер. Есть люди – люди, есть люди-орки и люди-эльфы, а есть хоббиты. Я вот, например, человек-орк. А вот интересно, покрыты ли ножки у отца Дмит-

рия густой жесткой шерстью? Мысль эта так развеселила меня, что я разом познакомился с двумя прекрасными людьми: один – жизнерадостный татарин, врач, а другой – настоящий суровый викинг из Москвы, восстанавливающий исторические постройки.

Но хотелось побыть одному, и, помахав новым приятелям, я отошел к своему столу, как всегда, наблюдать и думать. После прохаживался среди радостной, восхитительно свежей молодежи, улыбался в воздух, было славно – и все-таки я прямо кожей ощущал, что нечто ушло. Чего-то очень не хватало во всем этом – в музыке, в смехе и простой радости субботнего вечера.

Оно исчезло из Крыма, из Симферополя, каким я его знал, из атмосферы андеграунда, когда-то воплощенного в крымском клубе «Два капитана», куда часто меня, тогда юного и порой безденежного, пускали просто так, видимо, для интерьера.

Все было тем же самым – светлые лица хороших людей, девчачьи взвизги и взмахи длинных волос разного цвета, словно диковинные птицы, общающиеся смехом, распускающие время от времени свои плавные крылья и хвосты. Та же рок-н-ролльная музыка и даже пиво... Впрочем, я тогда совсем не пил пива.

Теперь же я сидел за кружкой темного, как мореный дуб, «Чешского льва», ковырял вилкой в тарелке жаренных с грибами мидий, улыбался и думал – что же ушло. Чего не хва-

тает так явно и безвозвратно.

И вдруг понял. Я – ушел.

Все было тем же. И музыка, и клуб, и девушки были так же красивы. Крым как был, как и будет всегда, так же волшебен и легок.

Не хватало меня. За последние двадцать лет я стал уже трижды другим. И это хорошо. И безвозвратно.

15 ноября 2016 г.

Травим земляных блох в доме. Папа сказал, что, раз укусы так и не нашли, нечего новый покупать. Я достал другой яд, который вроде помог. Блох стало гораздо меньше. Но рано я радовался: старых протравили, теперь вылупились новые и мстят за старших.

Вчера была битва за дихлофос, папа утверждал, что знает, где он дешевый, в магазине на другом конце города, где-то в степи.

Я пытался брать харизмой, но что моя харизма по сравнению с папиной жадностью. И тогда, помня, что с человеком надо говорить на его языке, я произвел математический расчет, доказав, что траты на дорогу покроют разницу в ценах. Однако папа ждал этого приема и произвел долгожданный удар: «А у меня удостоверение!» Сегодня уже в середине дня папа вернулся торжествующий, дихлофос в степи оказался на одиннадцать рублей дешевле, чем в соседнем магазине. Как мало нужно человеку, чтобы почувствовать себя Бэтме-

НОМ.

Когда среди ночи я услышал, что в доме завелось привидение пеликана, от жадности решившего проглотить разом все, что набрало в клюв, то, естественно, встал и наступил в теплое и сырое. Это был крик убиваемой чайки, вопль, полный отчаяния и безысходной тоски. Кошка Котася, видать, нанюхалась дешевого дихлофоса и громко наблевала мне в тапок.

Мерзавка, хихикая, убежала, а я пошел мыться. Потом полночи думал о веселых вещах, о раке желудка, разрушенной печени и во сколько станет визит к ветеринару с выворачиванием кошки наизнанку. Утром обнаружил, что Котася проникла в мусорное ведро и нажралась куриных костей.

Я тебя, блин, поймаю, выверну, будешь кишками наружу ходить, тварь неблагодарная.

Собака Белка в связи с похолоданием каждый вечер просится домой. Захлопываю дверь перед ее носом, тебя только здесь не хватало, и делаю вид, что собаки у нас нет. И нечего смотреть на меня через стекло глазами голодной бродяжки, мы, люди, так и с совестью поступаем.

17 ноября 2016 г.

Когда папа на меня кричит сквозь шляпу и очки, он похож на итальянского мафиозо на пенсии, у которого сын наркоман и гомик.

– Папа, не кричи на меня, я не мальчишка уже, чтоб на

меня так кричать.

– Я тебе говорил, что собака свинину не ест? Говорил?

– Ну я перепутал, господи, речь о 35 рублях...

– Вот! Доверил ему хозяйство! Я знал, что этим кончится.

Папа надевает пальто и ботинки и собирается в мясной отдел. Возвращать кости с кожей. Собака Белка питается супом из субпродуктов, только я замечтался о птичках и купил пару кило не говяжьих костей, а свиных...

– Куда ты собрался?

– Пойду поменяю.

– Папа, не позорься.

– Ай, замолчи. Молчи лучше!

Ушел.

Сижу, варю картошку с лавровым листом, и мне кажется, что, если папе сейчас свиной пакетик кишок на говяжий не поменяют, он вернется и меня им по голове отдубасит...

* * *

Уф, кости на рынке папе поменяли. Людям торговать надо, а не разыгрывать греческую трагедию на глазах у других покупателей. Папа же чувствует себя победителем. Торжествуя потрясает пакетом, как Хрущев кукурузным початком. Местным продавцам папа знаком, и они знают, что с ним лучше не связываться.

И вот так – каждый день.

18 ноября 2016 г.

Домашние животные – это, как известно, обязанность, на­пряги, потраченное время и лишние расходы. Однако если у вас частный дом, то вы уже попали, и у вас есть только один выбор – держать дома кошку или мышей. Если вы не заведе­те дворовую собаку, у вас могут завестись воры, а они в со­держании куда дороже.

Животных надо не только кормить, убирать за ними и вы­гуливать, но также выглаживать. Более идиотского занятия и представить себе нельзя, людям положено гладить исклю­чительно друг друга, да и то зная время и место. Кошка же может просто подойти к вам и потребовать, чтобы ее выгла­дили. Собака может без спроса вытереть слюнявую морду у вас сама. Бытовое насилие, в общем.

– Ах, ах, погладь меня!

– На.

Я вожу рукой по ее мохнатому затылку.

– Ах, ах, как приятно, а теперь по спине!

– На.

– А теперь, молодой хозяин, присядь на корточ­ки, а я тебе пока джинсы об­слюнявлю.

От серебристых следов слюны на моих штанах по­пахивает тухлятиной – собаки зубы не чистят. Кто мне скажет, почему от овчарок так сильно пахнет? При­чем отовсюду – из пасти, из ушей, от шерсти несет. А я не волк. И не овца. Почему же

я вынужден гладить вот это вот всё пахучее?

Собака Белка на радостях с размаху бьет меня тяжелой головой в пах.

– Ох...

Приседаю. Мне больно и противно. У Белки пароксизм радости, уперся в нее руками, а она дергается, как балаганный Петрушка.

– Ура! Ура! Ты присел!

Внезапно у Белки зачесалось под хвостом, и она, резко прервав излишней преданности, запускает морду себе под хвост и кого-то там ловит.

– Минуточку, ты не уходи, я щас...

Собираюсь встать.

– Нет!!! Ты куда?!

– Все-таки что ж от тебя так воня...

Собака Белка вытаскивает морду из-под хвоста и доверчиво засовывает мне ее в рот. Мыча от омерзения, ношу по дому, вытянув руки, в поисках зубного эликсира. Ну откуда он у папы, у него зубов-то нет... Полощу рот водкой. Удовольствие среднее. Теперь, если познакомлюсь с девушкой, первым делом буду спрашивать – собака у тебя есть?

А водка?

19 ноября 2016 г.

Папино здоровье, поизносившееся за последние месяцы, я привел в порядок с помощью немецкого креатина, про-

консультировавшись с Эрнестом Кацевом, замом главврача в крупнейшей баварской клинике и по совместительству моим школьным другом. И откачал я его, надо сказать, довольно опрометчиво. После месячного курса папа ходит бодр и свиреп, рычит, как молодой лев, в нем проснулась тяга к экспансии. Женить, срочно женить.

Надо сказать, что ни один дебошир на дискотеке, когда я работал вышибалой, не выносил мне мозги так, как родной отец. Все, что я ни делаю, – плохо и неразумно.

Суп жирный, а каша сухая – он такое, между завтраком, обедом и ужином, не ест.

Очки он опять потерял, не иначе как потому, что я где-то на них наступил и выбросил потихоньку. Зачем я выкинул ломтик лимона? В кофе клал? И что, лимон после этого перестал быть лимоном? Дай сюда, теперь я с ним чаю попою.

Куда я поехал на ночь глядя? Опять к проституткам? Ох, ты догуляешься. А кстати, сколько стоит?

– Папа, какие проститутки, я еду посидеть с друзьями за кофейком, картинку сменить...

– Что? С мужиками одними? Ты вообще жениться думаешь или нет?

Из моих друзей он уважает только художника Витю Бабанина. Витя ему настоящую бескозырку подарил, с ленточками, и этого папа просто так забыть не может.

Собака Белка, в общем, неплохо живет. Всегда свежий воздух, орет на прохожих, а они на нее нет. Главная проблема домашних животных – куда и когда справить нужду – решена ею довольно просто – ходит за дом. Дядя Макс уберет. Пожрать – Виктор Васильевич варит ей вкусную похлебку. Ее задача – просто быть.

Во дворе частного дома должна быть крупная собака, и пофиг, что она трусливая и боится даже мышей, – это парадные войска. Что-то вроде швейцарцев у резиденции римского папы. Толку с них ноль, но главное – шапки. Белка красивая собака. Даже страшная, но если со страху заорешь – убежит ко мне: спаси, спаси меня, раз уж кормишь.

Вчера, уже ночью, снова удрала через незапертую калитку бегать по улице. Пока я, нацепив халат, неся ее искать в темноту, оттуда уже раздался звук автомобильной сигнализации (двор собаке Белке примелькался, и овчарка стала любопытна, как кошка) и хриплый, отчаянный крик: «Пошла отсюда!» Из темноты послышался панический перестук когтей по асфальту: девочке нахамили, напугали, и она бежала скорее домой, под наше с папой теплое крылышко.

* * *

Дотащил мешок дармовых рогатых голов до дома. На зимний прокорм собаке Белке. Папа их выклянчил бесплатно, я думал, со стыда сгорю. Когда этот цирк начался, я отошел в сторону – это не мой мальчик.

Тогда папа стал кричать на весь рынок: «Максим! Куда ты ушел! Иди скорей сюда, нам головы бесплатно отдали!» Радостный еще такой.

Со злости вместе с головами разрубил собачий коврик и ведро.

Зашел в дом, а папа вышел во двор. Сижу, как нашкодивший кот.

Вот уже слышу начало вечерней арии: «На фига ж мне такие помощники нужны!»

Все. Папа теперь сделает мой день.

20 ноября 2016 г.

Дорубливал коровьи головы. Сперва пополам, промеж рог, потом на четвертинки. Чувствовал себя маньяком и солдатом. Ничего личного, брат корова.

Собака Белка крутилась вокруг, в следующий раз привяжу, не то будет одной расколотой головой больше.

– Уйди, дура!

– Я только немножко, чуть-чуть...

– По башке ведь топором получишь.

– Мозги! Я чувствую, там есть мозги. Точно тебе говорю, а, вот они!

– Пошла вон!

– Сам пошел! Чавк-чавк-чавк...

Купил ей новый коврик во двор. Чтоб жопу не морозила о бетон. Постелил. «Иди, пробуй, ложись». Легла, с удовольствием перевернулась на спину и больно укусила меня за ногу. Да, овчарки официально признаны самой умными собаками среди всех пород. Но они такие – собаки-собаки. Не люди.

Кошка Котася клянчила говяжьи обрезки, пока я готовил поджарку. Я не делился. Во-первых, кто-то опять орал всю ночь, бегая по дому от кого-то невидимого, а во-вторых, было некогда. Тогда она демонстративно подошла к моей сумке и задрала хвост. От такой наглости я даже не успел ничего предпринять. Только выпучил глаза и возмущенно забормотал: «Ты... что... собираешься делать?» Струйка оросила мои вещи, и Котася галопом умчалась. Потом я, бросив говядину, ходил с разделочным ножом по дому и рассказывал ей, что я с ней сделаю, если найду. Котася куда-то спряталась – опыт. Вернулся к сковородке. Застучал ножом о доску.

– Немножка мне-е-е!

По последним данным кошачьей академии, память человека хранит информацию не дольше трех минут. Потом можно больше не прятаться. Данные ошибочны, но Котаси-

на вера в это настолько трогательна... Она снова крутится под ногами и пытается заглянуть мне в глаза.

– Мне не нужно мяса, я просто хочу узнать, есть ли у вас совесть?

– А у тебя она есть?

– Есть, дай мне немножко мя-я-яса...

Сую ей ворох салфеток под нос, которыми мыл свою сумку.

– Кто это сделал? Нюхай!

– Фу-фу, какая гадость, зачем былое ворошить...

Помыл руки, брызнул ей на мохнатую морду.

– Фи, какие манеры. Вы не быдло случайно?

– На, мерзавка, жри.

Неспешно подходит к чашке. Брезгливо нюхает.

– Что это такое, бр-р-р, говядина, грубая пища.

– Не хочешь, я Белке отдам.

– Нет, позвольте, ладно, только из хорошего отношения к вам.

В дверной проем, роня занавеску, просовывается с улицы собачья морда.

– А? Что? Здесь мясо дают?

– Пошла вон с моей кухни!

– Я всего лишь услышала свое имя, вам нужна помощь?

– Вон! Все вон! На фиг с пляжа!

Допек меня сегодня этот зоопарк. Хорошо еще, что у папы рыбки в аквариуме передохли.

21 ноября 2016 г.

Мой папа – это, наверное, единственный человек, которого я не могу рассмешить.

У него последнее время постоянно мрачное настроение. Посмеялся он только один раз, да и то слегка, когда я его поймал за написанием жалобы на меня сестре. «Ах ты, – говорю, – не мужик! Думал, мы друзья, а ты, оказывается...» Вот тогда он виновато похихикал.

Еще он смеется, когда вспоминает, как они студентами в общежитии жили. Но я уже эти истории столько раз слышал, что мне не смешно, а притворяться я не умею.

Отец всегда был не то чтобы весельчак, но посмеяться любил. Надо искать ключи, может, отопру его куда-то исчезнувший юмор.

22 ноября 2016 г.

Бью деревянным молотком по столу. Именем сената и народа нашего дома кошка Котася сегодня осуждена ночевать во дворе. Невзирая на осень. Двор крытый, купил ей теплый кошачий домик. Приговор обжалованию не подлежит. Причина? Опять начала мяукать по ночам. Десятый день несколько раз просыпаюсь за ночь, пока она играет в индейцев. Лучше б мышей ловила. По-моему, это даже интересней, чем просто бегать в темноте и орать.

Мало мне Котасиных ночных концертов, теперь еще прибавилась тайна собачьих куч. Я знал, я знал, что по всем законам физики, термодинамики и пищеварения это невозможно! К гадалке не ходи. Не может одна средних размеров овчарка, которая из-за теплой погоды съедает за день всего полкотелка супа, наваливать каждый день по три кучи дерьма и даже не худеть при этом. Вчера ездил с друзьями в лес и вернулся домой к полудню, пошел убирать двор на два часа раньше, чем обычно. Взял целлофановые пакеты и зашел на задний дворик.

Та-дам-м-м!

Я застал там сидящего орлом здоровенного соседского пса, который, видимо, решил, что тут общественная уборная, и, дабы не осквернять свой двор, наострил нос свое добро к соседям, через невысокий забор. А чего, дядя Макс добрый, он за всеми убирает. Причем, гад, явно знал, что делает что-то не то, поскольку, увидев мое лицо и, возможно, национальность, с визгом скачками понесся домой. Но, в два прыжка прибыв на место преступления, я ухватил его недавние внутренности и с криком «получи, фашист, гранату!» запустил ему в спину. Попал, кстати.

Оказавшись в своем дворе, негодяй осмелел и, развернувшись, начал на меня возмущенно выть. Тогда в него полете-

ли и Белкины подарки. В этот раз он увернулся, но это уже не имело значения. Выйдет его хозяин, увидит, что он весь двор загадил. Мало небось не покажется. А кидаться говном я умею. Чай, треть жизни в соцсетях.

23 ноября 2016 г.

Папа всегда был очень легким человеком. Мне все время казалось, что он где-то не здесь частью своей души. И там, где он не здесь, – очень хорошо, светло и всегда играет тихая музыка. Он был прекрасный конструктор, у него семь авторских свидетельств. Способ, которым в землю закладывается грунт вместо выбранного угля, чтобы она не просаживалась, придумал мой папа. Когда-то он успешно применялся в шахтерской Караганде, не знаю, применяется ли сейчас. Папа за это получил маленький значок, красивую бумажку и сколько-то десятков рублей, но он не обиделся, папа изобретал легко, вполруки, словно мимоходом.

Папа любил пошутить, поискритить, ко всему относился будто немного понарошку. И еще совсем недавно так было.

Сейчас уже трудно в это поверить.

За все последнее время он улыбнулся всего несколько раз. За месяц до моего приезда папа перенес еще один микроинсульт. Но врач сказал, совсем микро. Не трогать, само, может быть, рассосется. А вот поди ж ты.

Для того чтобы расслабиться, папе нужно почувствовать себя виноватым, иначе он в стрессе и виноватит всех вокруг.

Парадокс, но мне, сыну, приходится его строжить и упрекать в диктаторской форме, папа тогда молодеет на пару десятков лет, приходит в задумчивое, мечтательное состояние, которого хватает иногда даже на пару часов. Потом брови снова хмурятся, тревожность растет, движения его становятся нервны и резки, а разговаривать он начинает только криком.

Мы продолжаем войну с блохами, старых убили, молодых отравили, но остались еще те, что были куколками. Война поколений. Папа уехал за новым химическим оружием, снова на другой конец города, где неодихлофос дешевле. Если по дороге какой-нибудь болтик найдет, будет вообще счастлив. Меня не взял, чему я, грешным делом, уже обрадовался.

У меня есть несколько часов тишины и покоя.

Пока папы нет, отремонтировал ему замок на куртке, почистил обувь. Думаю, может, на очки резинку повесить, чтобы не терял. Столько времени на поиски уходит.

И подумал, что надо обязательно завести детей. Когда человек становится в жизни не нужным никому и ему ничего уже от жизни не нужно, у него остаются только они. А пока человек любим и ему есть кого любить самому – ничего еще не пропало и смерти нет.

* * *

Отец очень любит оперную музыку. В результате включа-

ет ее на полную мощность, под нее копаются в доме, ест и даже спит.

Мама решала эту проблему по-рабоче-крестьянски: «Витя! Выруби этот нудёж, голова болит!» Папа расстраивался, чувствовал себя непонятым в лучшем и скрепя сердце делал тише, и только после очередного крика мамы сокрушенно выключал совсем.

Я же, немного подумав, говорю вкрадчиво: «Видишь ли, папа, нельзя жить двадцать четыре часа в музыке...» Папа сразу впадает в транс и тут же выключает, не теряя настроения.

Оборудовал ему компьютерный уголок. Выкинул стульчак без спинки, поставил удобное кресло. Навел немецкий порядок на столе, карандаши в карандашнице, записная книжка сложена в уголке, пароли под днищем ноутбука.

Папа приходит из магазина.

– Чего? На фига это надо?!

– Папа, ну так удобней.

– Кому удобней? Мне неудобно.

– Ты сядь, попробуй.

– Не буду. Устроил тут!

Я по-восточному коварен.

– Папа! Ты за кресло деньги платил? Тридцать лет назад?

– Ну платил.

– Так почему ты на нем не сидишь? Деньги на ветер, получается.

Папа неуверенно мнется. Думает.

– Та отстань, нам это кресло родители мамы подарили...

– Так пусть без толку пропадает теперь? На нем Котася спит – не жирно ли?

– Котасю я гоняю... а карандаши зачем мои трогал, стакан тут еще какой-то...

– Карандаши валяются как попало, рукой махнул, карандаш упал – грифелью капут, что делать?

– Новый куплю.

– Новый? Ты знаешь, сколько сейчас стоят карандаши?

Богатый ты стал, я вижу.

Папа о чем-то догадывается, но сражен моей логикой. Ходит по дому, но уже не такой мрачный. Садится за компьютер, вздыхает.

– Ну что, удобно?

– Та не знаю я. Нормально.

Потом, пожевав губами, обиженно добавляет:

– Ну тебя на фиг. Тебя если бы судили, никогда бы не сел – с твоим языком.

Папа очень любит оперную певицу Юлию Лежневу. Когда он начинает плохо себя вести, мой убойный аргумент: «Все! Встречу Юлю на какой-нибудь творческой тусовке – я ей расскажу, что ты ходишь по двору босиком и материшься как сапожник. Я все ей расскажу, лопнуло мое терпение».

Папа моргает глазами.

– Кто матерился? Когда? Я сегодня с утра не матерился.

Надевает новые тапки и начинает передо мной маршировать.

– Максим, ты знаешь, ты это, встретишь – женись на ней. Она хорошая.

24 ноября 2016 г.

Немилосердно ржу второй час.

– Да что ж это такое, одно и то же в газетах пишут, я это вчера читал!

– Папа, это вчерашняя газета.

25 ноября 2016 г.

Я разговариваю с животными. Они меня понимают. Можно смеяться, но Котася почти перестала орать по ночам и, что еще важнее, совсем перестала портить мне вещи. Правда, я не знаю, может быть, пониманию способствовал крепкий шлепок под зад, когда весь этот балованный анархией зоопарк меня таки довел, но факт есть факт. Теперь, наоборот, спит в моей комнате, ходит за мной и сворачивается в клубок на моей куртке. Или джинсах. Вчера поймал на своем полотенце, которое забыл на столе.

Все это крайне негигиенично, но, как немец, я стараюсь быть толерантным и терпимым к чужим культурам. Мокрое в доме оставлять нельзя, еще мама говорила, что Котася любит туда добавить сырости. Постирал сейчас свой синий домашний халат, повесил на батарею. Поговорил с Котасей.

Показал ей на халат и сказал:

– Я тебя очень прошу, на мой халат не покушайся, мне будет холодно без него.

Посмотрела на меня внимательно, поняла. Жопа-то не железная.

* * *

А тут еще одно чудо подоспело. Я уже говорил, что Котася никогда не ловила мышей. Все свои почти два десятка лет. Правда, семейная легенда хранит предание, как однажды посреди комнаты нашли задушенную мышь. Но то ли эта мышь сама, устав ждать естественной смерти в виде кошачьих зубов, сдохла от старости, не то Мусяка, легендарный охотник на крыс с холодным взглядом рыси, в то время еще бывшая с нами, и сделала за нее эту работу, – об этом история и папа умалчивают.

Все двадцать лет Котася была дармоедкой. Мама рассказывала, что Мусяка была хорошей мамой и, заботясь о будущем своей дочери, с детства приносила ей со двора то придавленную птичку, то мышь, но Котася была к этим игрушкам абсолютно индифферентна. Жутко ленивая, шугливая, эгоистичная.

Это вам не самурай Мусяка. Она однажды прыгнула мне на рукав тулупа, когда я натянул его шерстью навыворот и, подкараулив, наскочил на маму, чтобы напугать. В нашей

семье были приняты изысканные шутки. Мусяка намертво вцепилась когтями и зубами в толстую овчину, защищая свою хохочущую хозяйку. Мама тогда растрогалась до слез и хотела ее погладить, но строгая Мусяка хлопнула лапой и ее по руке, правда, уже без когтей – нечего, мол, смеяться над этим идиотизмом, устроили в приличном доме бог знает что.

Так прошло двадцать лет. Мусяки уже год как нет, и, возможно, она должна была уйти именно так – не обманом лечь под вкрадчивый укол ветеринарного врача, а самостоятельно выпрыгнуть из корзинки и навсегда скрыться в зарослях.

Котася же всегда была девочка-девочка, безмозглое, ленивое гламурье, стерилизованное еще в юности, иначе уже бы давно с кучей айфонов ходила. Когда я вернулся в наш дом, она отнеслась ко мне сперва несколько недоверчиво, но вскоре стала ходить за мной по пятам и все время требовать ласки. Гладить кошек я терпеть не могу, но ведь я тоже самурай, как незабвенная Мусяка. Положено кошку гладить – гладил. Мыл руки после. В остальном Котася не менялась.

Так же как все двадцать лет, на ходящих уже пешком по дому мышей даже как на игрушку не смотрела – у мышей своя жизнь, у нее своя. Однажды я не выдержал и, увидев, как наглая серая тварь спокойно вышла на середину кухни, ухватил спокойно наблюдавшую за всем этим безобразием Котасю за бок и кинул ее прямо в мышь. Не знаю, кто испугался больше тогда, кошка или она, возмущенно прыснули обе в разные стороны. И тогда я стал каждый сеанс кошачье-

го массажа сопровождать назидательной беседой. Вот, мол, сам я мышей боюсь, дядя Макс для этого не приспособлен, будет за мышами прыгать – все челюсти растеряет. Капканы отец покупать не дает, потому что старые он потерял, а значит, они где-то точно есть, и выходит, некому нас защитить от серого врага. Ты уж давай, Котася, не будь дармоедкой. Так же нельзя, каждый должен приносить посильную долю в дом. Я вот тоже не хочу тебя сейчас гладить, но глажу же...

И когда она час назад, перевернув чашку, замерла под стулом с первой в жизни пойманной мышью в зубах, рыча торжествующе и свирепо, я понял, что произошло чудо. Животные все понимают, я это всегда знал, но чтобы так...

С одной стороны – уговорил старую кошку мышей ловить, подумаешь. А с другой – чудо.

Обыкновенное чудо. Ничего необычного.

26 ноября 2016 г.

Дома крик, война, выпученные глаза и топанье ногами в тапочках (спасибо Юле Лежневой). Я купил одну лишнюю булочку, это раз. Срезаю кожуру с картошки слишком толсто, это два. Вылил куриный жир пятидневной давности, который папа подмешивал собаке Белке в кашу, невзирая на то что у нее аллергия на курицу (два дня назад был скандал по поводу того, что я дал ей шейку от цыпленка, – опять волдыри будут, по миру пойдем, всю жизнь на ветеринаров работать будем), куриный жир, однако, за курицу не считается.

Котасе пахучую рыбную палочку купил за целых двадцать рублей, она мне вчера полмышки оставила, надо же спасибо сказать. Я мокрый трупик есть не стал, и Котася его тут же удивленно срубала сама, но главное – порыв.

Хорошо, что палочку легко спрятать. А то бы меня папа вместе с ней проглотил, не разжевав.

27 ноября 2016 г.

Собака Белка строит из себя дракона перед мелкими уличными собачками. Те от нее – врассыпную. Но вчера один терьерчик вдруг пригласил ее поиграть. У него прямо над головой – оскаленная, подрагивающая губой волчья морда, а он – ни капли страха, разулыбался, бьет лапами по земле: дескать, да ладно, лучше догони меня. Я так понял, Белка ему как женщина понравилась.

Овчарка закрыла рот и трусливо полезла мне под ноги, от греха подальше. Типа, псих какой-то.

А я вдруг понял, что зло и понт совсем не умеют играть. И очень боятся юмора, игры и счастья других.

* * *

Папе я оставил вчерашние пирожки. Зато нашел в шкафу древнее печенье. Вот и хорошо, вот и завтрак. Вышел, хрустя им, во двор.

– Ах, какое утро! Хозяин, смотри, какое утро! Пойдем гу-

лять, я порву всех в твою честь.

– Отстань, после вчерашнего я тебя не уважаю как личность.

– Хи-хи-хи, да перестань, сегодня новый день!

Собака Белка крутится волчком и обтирается об меня мордой.

– Уйди, я тебе вытиралка, что ли.

– Дай мне печеньку, ну да-а-ай!

– Трусов не угощаем. Я тебе дом доверил, а ты мышей боишься.

– Где мышь? Покажи мне эту мышь, и я ее порву! Смотри, невидимый мужик – гав-гав-гав!

– Очень страшно.

– Да! Вот, смотри, я еще передними лапами на приступок встану и буду грозно смотреть на улицу – никто не подойдет. Дай мне печеньку, ну да-а-ай!

– Я ее терьерчику отдам. Вот он – настоящий пес.

– А я?

– А ты декоративная собачка. Брехло пустое.

– Ах так? А ты сам!

– Что? Я тебе велю идти отсюда.

Собака Белка, поняв, что я не в духе, смущенно лезет в будку.

Осматриваю ее жильё. Теплое, хорошее. Красивое со стороны – избушка такая. На курьих ножках.

– Ладно, выходи.

– Не выйду, раз со мной так.

– А печеньку?

Из будки появляется мохнатая морда, с выражением лица Тома Круза в «Последнем самурае» – дай мне, не то я умру.

Отдал ей утреннее печенье. Хруп-хруп-хруп. Вздохнул: не сходил вчера в магазин, жрать дома нечего. Что требовать от собаки. Тут люди, и те лажают.

* * *

– Ты взрослый мужик, а ведешь себя как пятиклассник!
Зачем ты купил столько сдобы?

– Папа, ну я хочу попробовать.

– Вот пока все не сожрешь, не встанешь из-за стола! Отправил его в магазин за хлебом – он принес пакет пирожных!

– Это не пирожные, эта булочка с чесноком, эта с яблоками...

– На фига! Мужуку пятый десяток, набрал сладостей вместо еды!

– Тебе еды мало? Вон щи, вон мясо...

– Так на фига еще сдоба! Ты должен был принести только хлеба и молока! Все! Пойдешь в магазин, я тебе сам деньги буду выдавать.

– Знаешь что, я все помню – ты в моем возрасте с самолетиком купаться ходил...

И папа замолчал. Как хорошо иногда дать сдачи.

28 ноября 2016 г.

Любой тяжелый день можно исправить, если в магазине есть мороженое, а дома папа. И мы сейчас будем смотреть тыкверовского «Парфюмера». Представляю уже, как папа офигеет от такого кино, и одно это наполняет меня радостью до краев. У нас есть чистый дом, во дворе лохматая собака, в доме кошка – славный охотник на мышей, в телевизоре «Парфюмер», а в руках – мороженое.

Я построил этот мир, посмотрел на дело рук своих и сказал, что это хорошо.

29 ноября 2016 г.

Пытаюсь исправить папе настроение ежедневным просмотром хорошего кино. Папа сам в чем-то артист, в молодости играл в народном театре и имел успех. Наша рабоче-крестьянская мама смотрела на его роман с Мельпоменой сквозь пальцы, пока однажды не поймала его на репетиции сидящим на раскладушке в одних семейных трусах. Так творческой карьере папы был положен конец, и все его попытки заговорить о высоком искусстве обрывались напоминанием, как он у всего города на глазах в одном исподнем чуть не щегольнул.

«Парфюмер» Тыквера прошел на ура, я очень старался, стучал пальцами по столу, как по забытому пианино: «Смотри, папа, он составляет гамму из запахов, он хочет взять ак-

корд, одни и те же законы везде – в музыке, живописи, запахах!» Папа проникся и, вставая с дивана, сказал: «Вот это фильм!» И счастливый ушел спать.

Но вот германовский «Трудно быть богом» – один из самых любимых моих фильмов – у папы не пошел, невзирая даже на мои восторженные комментарии и дружбу с Георгием Пицхелаури, одним из актеров фильма.

«Папа! – кричал я. – Ты представляешь, Герман эту сцену длиной в полторы минуты снимал три дня!» Папа уважительно качал головой. «Смотри, а Ярмольника он взял на эту роль после этой фразы на пробах! „Я не могу этого сделать“, – гениально же сказал, ну правда!» Папа удовлетворенно хмыкал.

Но фильм ему не понравился. «Они что, в уборной его утопили, что ли? Непонятно ничего, одна грязь, теснота и дождь». – «Папа! Посмотри, как Ярмольник идет ко дворцу, спина какая, посмотришь, и все ясно – вот вспомни себя, холодное утро, слякоть, на работу, сын балбес, а тут еще с собакой гулять надо...» – «Да чего ты опять начинаешь!» – «Да не о том я...»

И ни в какую.

Я расстроился. Вспомнил, как смотрел этот фильм на встрече киноклуба в Гамбурге и оказался единственным, кто пришел в восторг. Меня тогда заклевали и заплевали, а я не стал спорить и только скромно сказал: «Никто нас с Германом не понимает...»

Ничего-ничего. Еще папу поукрошаю немного, будет копытом землю рыть. Я тут придумал, мы с ним сценки будем разыгрывать из кино.

Глядишь, и я чему-нибудь подучусь, а то смотрю на себя в кадре – гей-гопник какой-то.

* * *

Котася снова на кухне, сидит в засаде. Не нарадуюсь. Сегодня даже дал ей хвостик от селедки, что вообще-то не очень хорошо, мы переболели мочекаменной, рыбы нам нельзя. Но Котася очень любит рыбу. Папа любит пшеничную кашу. Собака Белка любит все. Я уже взрослый человек, проживший и испытавший немало. В моей жизни было много любви, было и есть. Поэтому завтра я сварю папе пшенки, Котасе рыбы больше не дам, а Белка с удовольствием доест за всеми.

1 декабря 2016 г.

Все, кто думает, что у нас с тут с папой райские кущи и идиллия, сильно ошибается. Начать хотя бы с утра. Выслушав очередной гневный монолог, какой я плохой сын, еще не проспавшись, я иду за дом убирать за собакой.

Папа подходил к этому делу по-советски, у него было специальное ведро, лопата и даже кочерга.

Я же использую более усовершенствованную германскую

технологии «два целлофановых пакетика». Но романтично-го в этом тоже не много.

Папа, увидев преимущество нового метода, целый день ходил задумчивый и просветленный. Лампочка Ильича не производила такого эффекта на темных крестьян. Быстро, просто, и лопату марасть не надо. Правда, есть расход на пакетики, но это единственный недостаток данной системы в папиных глазах. Он робко предложил проект «Вечный пакетик», то есть пакеты мыть и использовать заново, но я с карандашом в руке доказал, что расход на моющие средства и горячую воду перекроет выгоду от этого, несомненно, интересного рационализаторского предложения.

2 декабря 2016 г.

Папа доработал последний месяц. Ибо всё: его походы на работу, пусть даже всего на несколько часов в день, пусть и недалеко, и по хорошей пешеходной дороге, стали ему трудны. Координация его что-то значительно расстроилась. Я как мог его утешал.

«Папа, надо оставлять искусство раньше, чем оно оставит тебя».

3 декабря 2016 г.

С утра я проснулся от криков папы в телефонную трубку на связи с аптекой, что фталазол, который он купил, очень подозрительный, на вкус обычный мел. Потом выяснилось,

что картошка, которую я купил, слишком мелкая, к тому же я опять купил новый пакетик в супермаркете, чтобы ее донести, и вообще, все, что я ни делаю, – глупость. Я смиренно молчал. Тогда папе этого показалось мало, и он заявил, что больше денег мне давать на покупки не будет. Я сказал, что вообще-то покупаю всё на свои, тогда меня упрекнули в жадности (вообще обнаглел, старый склочник) – нет теперь «мой-твой», раз вместе живем. Я мрачно ушел отскрести примерзшее к бетону собачье дерьмо и через стены дома слышал, какой я ужасный сын, человек и вообще не кореец ни разу, а какой-то, на старости лет, цыган. Когда я вернулся в дом, папа сообщил мне, что я вообще нос задрал. Тоже, нашелся тут, граф Толстой.

И вот тут меня прорвало. Я сказал, что думал, что у меня отец конструктор, а не мелочная баба. Что только склочник может накидываться на ни в чем не повинную женщину в аптеке из-за того, что фталазол невкусный. Что мелкая картошка хороша для варки, и именно поэтому я ее купил, и не лезь не в свое дело. И чем считать целлофановые пакетики, лучше вспомни, куда вы с мамой профукали все наше с сестрой наследство, доставшееся от дедушек с бабушками, которые были настоящие корейцы, как положено, а не разная интеллигентствующая фигня. И я не Лев Толстой, а Максим, и мне этого вполне достаточно. А почему я не граф, так это ты у себя спроси.

Папа похлопал глазами и ушел что-то там чертить. Помо-

гает бывшим коллегам уже на дому. Сидит счастливый.

Бедный отец. Ему реально для счастья и душевного покоя нужны периодические разборки и чувство, что он виноват. Причем разборки нужны громкие и свирепые. А у меня от этого голова болит. Станешь тут Толстым в такой обстановке.

* * *

Милая кошка метить мои вещи перестала, но я рано радовался. Останки полупереваренных мышей регулярно оказываются на моих тапочках и в сумке. И это ни фига не смешно, как сказал бы Тарантино.

Этой ночью я был разбужен протяжным воем Котаси, звавшей меня позавтракать только что освежеванной мышкой. Я зажег свет, и Котася, замолчав, выплюнула мне под ноги немного сырой мышатины. Стараясь не смотреть на расчлененку, погладил ее по голове и ушел спать. У меня сильное подозрение, что старческое слабоумие наступает от отсутствия ласки и разговоров по душам. Кроме шуток – известно, что наименьшее количество стариков в маразме наблюдается в Испании, и это, как предполагают ученые, потому, что в Испании чем старше человек, тем более он становится уважаем и любим. Их называют «донна» и «дон», и даже незнакомые люди им служат и относятся с любовью. Донна Котася. Но по жопе тоже надо иногда, это бодрит и

способствует хорошему кровообращению.

* * *

В отличие от меня, с моим приобретенным немецким педантизмом в отношении порядка, папа – это какая-то катастрофа. Я теперь розыскная собака, натасканная на все.

Очки мы ищем по всему дому, сегодня было особенно трудно, папа, напившись сегодняшним скандалом, как заведенный медвежонок, успел побывать везде. Вообще, папа стесняется меня гонять каждый раз, поэтому всего лишь ходит по дому с библейским выражением глаз и вопрошает у неба: «Где же мои очки?» Или, если потерял телефон, философски вздыхает: «Позвонил бы мне кто-нибудь...»

Я обыскал весь дом. Не посмотрел только в будке собаки Белки. Очков нигде нет.

«Не знаю, папа, – говорю, – где твои очки и когда ты научишься класть их на место...»

Произнося эту фразу, я сажусь на свое любимое кресло у ноутбука, и – «крак!» – мне показалось, что я сел на скелет котенка.

Папа умудрился положить очки прямо на мое кресло и аккуратно прикрыл их накидочкой, наверное, чтобы стекла от теплоты моего зада не запотели.

С обреченным лицом я встал и со вздохом посмотрел на дело ягодиц своих. Надо сказать, что папа при его бережли-

вности и склонности к актерству мог бы играть Плюшкина. Если бы не мои вопли, чтобы он переоделся, то он играл бы даже без грима.

Поэтому мне сразу представилось, что сейчас будет: сперва живописное описание моей задницы, потом сетование на качество оправы, деньги дерут, а пластмассы жалеют, потом был бы задан риторический вопрос: на фига вообще я приехал? Моюсь тут по полчаса, тубики недозакручиваю, без необходимости в город еду, так того мне мало – взял еще моду людям очки своей дикой жопой давить.

Однако папины очки, явственно крикнув, чудом выжили.

Я, как тонкий психолог и толстый тролль, обернул папино оружие против него самого – прочел злобную лекцию о том, во сколько может обойтись ремонт оправы. А если б еще лопнуло стекло... Тут я задумался, делая вид, что считаю нули.

И торжествующе закончил: «И умножь на два!» «Почему на два?» – испуганно спросил папа, но уже сам догадался, что задница предмет грубый и накрывает сразу оба стекла.

Оправившись от пережитого ужаса, он вроде успокоился, но все без толку. Сейчас он потерял их снова, из чего я делаю вывод, что крайняя бережливость – все-таки приобретенное его качество, а вот раздолбайство такое – врожденное. Я всегда это подозревал, знаю этого человека больше сорока лет, и хоть в этом он не меняется.

Но и этого мне было мало.

На днях наконец уговорил отца ходить с палочкой. Еще в молодости папа, занимаясь бегом на длинные дистанции, сточил себе коленный сустав. До определенного возраста его это не сильно беспокоило, но однажды, будучи уже в преклонных годах, по рассказам мамы, он на какой-то вечеринке так отплясывал с понравившейся ему дамой, что наутро не смог разогнуть колено. Надо ли говорить, что эта притча о наказании за нарушение нравственности уже вызубрена его детьми наизусть. Теперь папа, в силу возраста ходящий все тяжелее и тяжелее, вдобавок прихрамывает, однако на палочку смотрит все равно с презрением. Он все еще видит себя красивым, сильным мужчиной, который просто постарел. Собственно, так и есть, но при чем тут трость?

Долго рассказывал ему, что мужчина с тростью выглядит импозантно. «Вот возьми, просто возьми... ох, ты же Штирлиц!» – «Ай, не ври хоть, Штирлиц ходил без палочки». – «Он же настоящий разведчик, обязательно бы ходил, потому что в Германии все уважающие себя мужчины без палочки просто не выходят из дому...»

Не знаю, поверил ли мне папа, но вроде тросточка пошла в дело. Мне стало спокойней, с тростью отец ходит более-менее уверенно. Пока, конечно.

Ну и что теперь? Правильно. Теперь я как собака ищу еще и палочку по всему дому. Мало мне было его очков. И шляпы. И сумки. И телефона. И ключей...

4 декабря 2016 г.

Папа выносит мозг. У меня его и так не слишком богато, а сейчас вообще нет, один психоз. Есть задачи без решения – почему я покупаю курицу не там, где он говорит, если она там дешевле на целых два рубля? Где логика? Я делаю назло?

Аргументы в виде того, что до того магазина надо тащить-ся вместо пяти минут полчаса, в расчет не принимаются, как и все инсинуации по поводу того, на что можно потратить сэкономленное время.

Что ты врешь? Я что, этикетки не смотрю? Ты их отрываешь. Как нет этикетки – так я знаю, где ты покупал эту курицу. Ты непрактичный человек, ты приехал не помогать мне, а делать наперекор, ну и т. д.

Закупаться в его любимом магазине реже, но побольше? «Ты что! Ты с ума сошел? Зачем нам столько кур? Когда ты это сожрешь всё? Я не буду ее есть, принципиально».

И не ест.

Сам покупать продукты в том магазине (чтоб он, господи прости, провалился) отец хоть и может, но нельзя – магазин находится через две дороги с оживленной трассой, да и для папы пакет с курой – это все равно что мне с пудовой гирей ходить.

Просто задача без решения.

Впрочем, старость – это она и есть.

6 декабря 2016 г.

Дворовая собака Белка за дни мороза, когда я продавил в папином сенате закон, позволяющий в холода собакам жить дома, избаловалась совсем. Собаки – они как дети, малейшее послабление в дисциплине ведет к революции в сознании.

Сейчас, когда потеплело, в дверь по пять раз на дню просовывается мохнатая голова – «извините, что побеспокоила, к вам можно?» – и, увидев папу, исчезает: «Ну ладно, я попозже зайду».

Как только папа уходит в магазин (настаивает на этом праве), она тут же с видом «муж в дверь, а жена в Тверь» заходит в прихожую. Уловив мой взгляд, со всех ног кидается ко мне и утыкается мордой в колени.

Я верный сын своего отца и, поискав остатки интеллигентского стекла в голосе, говорю: «Пошла, такая-сякая, во двор!» Но она лишь плотнее вдавливая в меня голову, бодая меня еще несколько раз, дескать, ты хорошо подумал? Я неумолим. Тогда она отступает на шаг, приседая на коврик, и предлагает открыть дискуссию.

– Отчего вы печалуетесь? Вы не хотите поговорить со мной о Боге?

Телепатические беседы не мой конек, и я иду готовить себе чай, а Белка, нечаянно проведя мордой по столу (ой, кажется, что-то зацепилось, надо же – упало, ну ладно, что ж теперь пропадать добру), сворачивается клубком на половике и делает вид, что тут же крепко уснула. Когда человек спит, его даже змея не жалит.

Вот вроде настоящая немецкая овчарка. Где же уважение к закону? Где соблюдение правил? Ее предки водили стада строем, воевали, стерегли хороших людей от плохих, а то и наоборот, что поделать, служба такая. А эта только телепатит тут. Вот как развращает либерализм.

Как только в воротах повернется ключ, она пулей вылетит во двор, встречая отца, а после лезет к себе в конуру. А пирог со стола – это, может, Максим съел.

Я же собираю крошки с пола и принимаюсь, не пахнет ли псиной. Пусть будут довольны и папа, и Белка.

Интересно, есть ли будущее у либерального общества? Наверное, да. Если будет в каждом законе разум и любовь. Чтобы кто-то всегда был готов взять на себя ответственность за спертый пирог или быстро убирал крошки, чтобы одни поели, а другие не волновались. И никаких разрух.

7 декабря 2016 г.

В Симферополе то снег, то дождь, то оттепель, то мороз. Мокрый лед везде. Его посыпают песком, но хватает ненадолго.

Сижу вот, не сплю, и опять мелкий дождь по крыше террасы.

Значит, завтра папа гулять не пойдет. Может, конечно, смыться пораньше, пока я сплю, надо будет его ботинки спрятать. Будет искать, начнет материться, я и проснусь.

Скажу: «Сегодня на улицу один не пойдешь», он буркнет:

«Я в магазин» – и потрясет крепкой тростью.

А я скажу: «Все равно не пойдешь, навернешься опять». Папа скажет: «Не навернусь».

Я скажу: «Давай я схожу», папа обиженно пожует губами и скажет: «Нет».

На это мне противопоставить нечего, кроме: «Да».

Значит, будет опять битва за свободу.

«Чего это ты раскомандовался!», «Ты меня воспитывать будешь?», «Нашелся тут».

Да, я нашелся.

Вообще, возвращение блудного сына на картине должно было быть изображено несколько иначе.

8 декабря 2016 г.

Тяжелый день. С утра не выспался, Котася снова хотела принести мне мышку в постель (я стремительно худею от постоянного стресса, а кошка думает, что это от недоедания), и я, крича как женщина, держал дверь с другой стороны, пока в нее, увещавательно мурча, тыкалась круглая кошачья голова. Во рту которой безвольно болталась жирная тушка.

Потом с утра выяснил, что, оказывается, мне на Украину не въехать, со стороны Крыма украинцы пропускают только граждан Украины. Поминая тихим ласковым словом Майдан, наступил в остатки кошачьего обеда. Что-то не пошла мышка вчерашняя, не зря я от нее отказался.

9 декабря 2016 г.

По ночам будто мелкое просо сыпется на крышу террасы.

И тихо, очень тихо вокруг. Наверное, поэтому я и не сплю допоздна, растворяясь в этой тишине.

День, с его шумом, гамом и лязгом, принадлежит людям. Они что-то строят, заполняют, проверяют и охраняют. Человечество в начале двадцать первого века озабочено в основном тем, чтобы что-то показать друг другу и что-то друг от друга спрятать. С первого века, впрочем, ничего не изменилось.

А ночью наступает тишина. Мне кажется, что Бог живет в ней.

10 декабря 2016 г.

Папа накосычил. Ходит тихий, сам в себе, и только время от времени высовывает кончик языка, дескать, это плохой язык виноват, а не он.

– Как ты мог такое сказать?

– Ну, я в сердцах, одномоментно.

– Вот я, как бы ни злился, никогда такого не скажу.

– Ну да, ты умный, развитый...

Делаю вид, что не слушаю. Молча смотрю в одну точку (в фейсбук), я страдаю. Даже щеки надул, типа, заплачу сейчас. На самом деле я так сдерживаю смех.

– Красивый...

– Вот. А ты такое сказал.

– Ну, я не подумал!

Я сегодня снова вечером хочу в клуб. Там мои старые товарищи, там вкусный чай, драки, и мне рады. Силы набираюсь там. Но папа этого не понимает. Туда на маршрутку, там с этими старыми кулями трете яйца друг другу без толку, потом на такси (на такси!) обратно.

Но папа хитрый. И он накосячил.

Он сморозил сегодня: «Ненавижу тебя!» Маты я ему прощаю, это его молодит. Но на эту фразу я обиделся. Ну или сделал вид, что обиделся. Я ведь тоже хитрый.

– Максим, а ты разве сегодня не поедешь никуда?

– Не знаю. Настроения нет.

– Ты... это... что ты там один чай, на, съешь что-нибудь.

– Не надо мне. Аппетита нет.

Папа в смятении залез в кровать и накрылся с головой. Потихоньку хихикая, собираюсь в клуб.

Так ему и надо. Пусть думает, что говорит.

11 декабря 2016 г.

Кошка Котася с наступлением ночи занимает свой сторожевой пост и замирает, вся собравшись для прыжка. При этом она совершенно расслаблена, блин, как многому у простой старой кошки можно поучиться. Несколькими ночными воришками она уже похрустела, но одна, видимо последняя, очень осторожна. Котася целится часами напролет, в одной позе, и все зря. Расчистил ей плацдарм. Мышки по пути на

кухню из-за холодильника пробираются по тумбочке. Убрал с нее баночку с медом, отодвинул сковородку и пачку с чаем, чтобы врагу негде было укрыться. Котася прекрасно поняла смысл моих действий и слегка передвинулась, оказавшись прямо напротив мышачьего дзота. Взял кусочек пахучего бородинского хлеба, чтобы поскорее выманить противника из укрытия, и хотел положить недалеко от щели, но рука дрогнула. Положил кусочек обратно в хлебницу.

Так нечестно. Просто представил, как эта зимняя мышка, учуяв вкусный запах, оголодавшая настолько, что, презрев опасность, прямо перед глазами кошки на дрожащих лапках потянется за куском хлеба. А тут ее – цап! И убьют. Нет уж, так нельзя. Кошка сторожит, мышь прячется. Кошка догоняет – мышь убегает. Все правильно. Все по законам природы. А подличать и хитрить нельзя. Особенно человеку.

13 декабря 2016 г.

Папа жуткий экономер. Правда, надо отдать должное, экономит он прежде всего на себе. Как я приехал, старается не есть мяса.

Я уж и так и эдак, ни в какую, но я его обхитрил.

Беру уверенной рукой самый лакомый кусочек и, слегка обгрызая, кидаю обратно в чашку. И в холодильник. Когда папа садится обедать, говорю: «Слушай, там я кости оставил какие-то, не знаю, выбросить, нет...» Папа, конечно, выпучив глаза, кричит: «Какое выбросить, с ума сошел! Дай

немедленно, я доем, ничего... ха, тут мяса еще с килограмм! Вот вы там, в Германии, зажирели...» Или говорю: «Слушай, этот кусок уже третий день лежит, вон подванивает уже...» — и делаю шаг к мусорному ведру.

Папа, как Котася на мышь, кидается на чашку в моей руке. «Ничего! Ерунда! Оно даже полезно немного, если мясо подпорчено!»

Если упасть на диван без сил и обвинить в этом авитаминоз, он сперва в панике замечется по дому и, найдя таким образом шляпу, сумку, деньги и ключи, умчится на рынок и принесет полные сумки перемороженных фруктов, которые на радостях напихают ему не очень порядочные торговки.

Сам он их есть не будет. «Да ну», «Я не ем такое».

Страдать он будет потом, но молча. Будет ходить по дому грустный и считать дни до срока, когда мы с ним по миру пойдем.

Сперва я папу мучил. Разломлю мандарин при нем, так, чтоб сок ему в глаз брызнул, разложу оранжевые ломтики прямо перед ним и ем.

Но папа смотрит, как я ем, и не ест ни кусочка. Только в конце не удержится и робко возьмет один ломтик. «Я только попробовать... фу, гадость какая, чавк-чавк-чавк». Потом отряхнет руки, оближет пальцы и торжествующе скажет: «Я такое не ем!» И уйдет пить чай с серым хлебом и самым дешевым старым повидлом, которым я по первости чуть ботинки не почистил.

Если я приношу что-то с рынка, чтобы поел по-человечески, – это из дому беги. Скандал будет на два дня, причем папа так кричит, что, боюсь, все вены на лбу полопаются на хрен.

Вот почему мне стало ужасно везти. Как ни выйду вечером, обязательно что-нибудь найду. То пакет с хурмой. То виноград. Прямо россыпью. Валяется, блин, еле собрал, надо только помыть хорошо.

Папа, как все люди, считающие себя очень хитрыми, совершенно простодушен.

И каждый раз счастлив, это ж бешеные деньги сын находит каждый раз.

Сегодня я нашел великолепные гранаты. Разломил в чашку зернистые, упругие жемчужинки, налитые светящимся красным соком, прямо в прохладный белоснежный фарфор. Папа счастливый, грызет их и похож на сухонького глазастого бурундука. А я гранаты эти и вправду не люблю.

За такое бабло – да меня жаба задушит...

14 декабря 2016 г.

Животные всё понимают на энергетическом уровне. Во-все не надо кричать собаке «Ай, я тебя боюсь!» – она сама это почувствует. Или «а давай дружить!» – тоже почувствует. Слова – это так, для тупых. Людей то есть.

Сегодня я долго орал на собаку Белку. Ночью кто-то ходил по крыше. Я проснулся и с бурчанием «никакого по-

коя, нельзя воровать днем, что ли, пока никого нет», натянув халат, вышел во двор. На плексигласовой крыше навеса явственно слышалось чье-то топанье. Из будки испуганно смотрели глаза немецкой овчарки.

– Это что, блин, такое? М? – зарычал я, но не на воров, а на собаку.

Воры что – придут и уйдут, а с этой трусихой жить.

– Тебя за что кормят? Я убираю за тобой каждый день – думаешь, за красивые глаза?

Топанье прекратилось. Там, наверху, тоже внимательно слушали. Собака Белка нехотя вылезла из конуры и смущенно сказала: «Гав».

– Кто так лает? Смотри, как надо.

От моего лая собака Белка снова забилась в конуру. Сверху снова затопали и раздалось: «Миа-а-ау!»

– Вы, там, сверху, не можете потише жениться? Зима уже! Опомнились.

Собака Белка, поняв, что это не воры, а всего лишь стерилизованная Котася занимается безопасным сексом, выскочила из будки и залилась безудержным лаем.

– Брехло! Болонка! Дармоедка!

Разгневанный, я зашел в дом, сдирая с себя халат.

Что, мне теперь и сторожевой собакой здесь работать, что ли...

15 декабря 2016 г.

Хотите, я скажу вам, как посмотреть на строительство пирамид? Нет, не инсценировку и даже не реконструкцию, а реальную, как оно было? А хотите, живых неандертальцев покажу? Настоящих.

А динозавров? Любых! Фараона Тутанхамона, пока он не мумия, а живой? Нефертити в юности? А... вознесение Христа увидеть хотите? Не в кино, а своими глазами.

Петр Первый интересуется, как он Меншикова колотит палкой, например?

Дуэль Пушкина?

Я не придумал машину времени. Но я знаю, как все это посмотреть. И это можно будет посмотреть, думаю, в ближайшие лет сто.

Все очень просто.

Вы, конечно, знаете, что звезды, которые мы видим на небе, – это не они сами, а только их свет, изображение, долетевшее до нас через огромные расстояния, а звезд этих самих, может, сейчас уже и нет.

Догадываетесь, о чем я?

Запустите на это же расстояние от земли камеру с огромным телескопическим разрешением, постройте эти спутники в ряд, чтобы снимали разные времена, настраиваем резкость, увеличение и... вот они, динозавры. Вот пирамиды. Вот Моисей бродит в тростниках...

Это вполне возможно. Как только человек, как всегда, раздвигая горизонты, научится преодолевать скорость света.

Но даже не это чудо. Главное чудо в том, что ничего не пропадает. Ничего не исчезает. Радуйтесь.

16 декабря 2016 г.

– Нельзя так таблетки пополам колоть...

– Да сиди ты, понимаешь ты тут.

У папы желание все делать самому. Я не препятствую не только потому, что ленив, просто знаю, как необходима деятельность и особенно мелкая моторика старикам. Это говно убирать, сумки таскать – работа грубая, сам справлюсь.

Папа колет себе таблетки от давления. Нужно по полтаблетки. Проблема в том, что таблетки российского производства – то есть все сделано человеку назло. Они мало того, что не разделены чатинкой пополам, так еще и округлой формы.

Папа морщится от напряжения, пытаюсь кухонным ножом попасть точно в середину и, зафиксировав момент, в одно короткое мгновение резко надавить. Короче, папин результат – сокрушительное фиаско, и это мягко говоря.

– Папа, дай мне.

– Да отстань.

– Папа, ну ты только крошишь, вон уже в порошок три штуки, так нельзя.

– Кто сказал, что нельзя!

– Мой отец говорил, что нельзя так таблетки колоть.

Пока папа впал в сюрреалистический транс, ища в нем подвох, забираю у него нож. Щелк, щелк, щелк по блистеру.

Папа смотрит на минутное дело рук моих, дело, на которые он потратил уже час своей жизни.

– Хе, а твой отец был умный мужик.

– Его надо слушаться, я считаю.

Надо будет впрок наколоть. Дело с оформлением документов слишком долгое, мне еще предстоит путешествия. Без дома, без прописки, без ничего. Фигня вопрос, первый раз, что ли. Все-таки я дурак, дурак, а как вовремя принял решение переехать к отцу. Пока он еще в силе и может пусть худо-бедно, но сам себе таблеток наколоть.

Главное – все делать вовремя. Самое страшное слово на свете – «поздно».

17 декабря 2016 г.

В доме стоит постоянный шум.

Собака Белка со скуки целый день облаивает невидимых мужиков. Но тон лая жизнерадостный, с этим еще можно как-то мириться. Начинает, правда, она с самого рассвета.

Потом просыпается папа и начинает орать на доброе утро. Причем отец высыпается вполне, но, видимо, вся защита от осознания неприятностей, которых в старости куда больше, чем нам тут всем кажется, за ночь выветривается, и он остается с ними один на один.

Поэтому достается всем: провизору в аптеке, Трампу в телевизоре, соседям и мне, само собой. С ним в эти часы лучше не спорить, благо я просыпаюсь полным сил и могу разго-

варивать четко, спокойно, по-военному. Хорошо, что я у папы еще в пошатнувшемся, но авторитете, поэтому мне прилетает в основном за лишние покупки.

Зачем я мыло купил? Вот зачем? Есть же ведро шампуня, налей во флакончик и мой свои грязные лапы, какая разница? Призываю в помощь Малышеву, интернет и собственную фантазию, описывая разницу между шампунем и мылом для рук. Папа ненадолго мрачно замолкает, предварительно напомнив, что мне надо было идти в адвокаты самого себя и «да заткнись уже». Потом, не найдя более причин для крика под рукой, он вспоминает про сестру в Америке, которая болтается там неизвестно зачем, и заодно поминаются все знакомые женского пола.

Соглашаюсь с ним, все время подчеркивая, что такая наша нелегкая мужская доля – бабьи косяки разруливать. И это надо делать спокойно, мужественно и, главное, молча. Трамп еще ладно, вот если б Клинтон к власти пришла... И Трамп становится сразу лучше. Провизор в аптеке – а голос у нее какой, как она выглядит? Симпатичная, наверное. Ну, сестра у меня герой вообще, ты на нее не гони, она станет там, в этой сраной Америке, когда-нибудь миллионером – всех нас вытащит, и тебе будет стыдно за свои слова. Ну, не стала пока, подождем, это не причина так орать.

Вот это было ошибкой. Кто здесь орет? Он орет? Он не орет!

Беру тайм-аут, сморозил.

Не знаю, похож ли папа на разведчика, но я тут точно стану первоклассным дипломатом. Если с ума не сойду.

К обеду папа что-то придумывает себе, копаясь по дому, и немного успокаивается. Это благодные несколько часов. Ну так, покрикивает, как испуганная чайка, но отрывочно, короткими очередями.

К вечеру папа устает, и тут либо мы впадаем в мрачный депрессняк, либо слушаем классическую музыку и впадаем в депрессняк романтический.

Самое время внедрять в папино подсознание позитивные установки. К утру все выветрится. И в доме с приходом ночи воцаряется тишина. Если Котася орать не будет.

У нас проблема – мыши кончились. И она, насидевшись несколько часов в одной позе, приходит под утро в спальню и, сидя на столе, начинает жаловаться прямо в мою спящую голову на скучную жизнь.

Ни у кого нет мышей? Я б купил.

18 декабря 2016 г.

Мелкий дождь зимой – это не только скользкие ботинки у папы (незаметно удрал погулять все-таки), это еще и раскисшие подарки от собаки Белки. Собирая их в целлофановые пакетики, наслаждаясь цветом, ароматом и, простите, консистенцией, я каждый раз медитирую. Ну, иначе сдохнешь потому что.

И сегодня думал: сколько должно пройти времени, чтобы

под действием солнца, дождя, мороза и ветра все это само превратилось в цветы и траву? Все-таки природа волшебна: из вот этого воссоздавать не только прекрасное, но делать саму жизнь. И еще я подумал, что мы, люди, суть такие же ку-сочки дерьма, с семенами, а иногда и с искрами золота внутри, тоже когда-нибудь станем чем-то прекрасным. Травой и цветами как минимум.

Или Творец вырастит, очистит частицы золота в нас и взрастит? На то, может быть, и жизнь. И тоже только так, через ветер, и дождь, и холод...

* * *

Мне кажется, я знаю, отчего такой поток звезд, как Депардье, Орнелла Мути, а теперь и Стивен Сигал, вдруг рванул за российским гражданством. Дело не только в спасенном от налогов бабле, уверен, не только.

На Западе по-своему прекрасная жизнь, но когда все красавицы трахнуты, рестораны исхожены, лучшие шмотки куплены, а Мальдивы давно стали дежурными поездками на дачу, встает вопрос: «И это... всё?»

Да, всё.

Жизнь похожа на приятный развлекательный фильм, но конец тебе известен. И это не Герман и даже не Тарантино в лучшие годы. Это даже не Михалков. Ты смотришь дежурный сериальчик. Неожиданность, непредсказуемость

возможна только в случае технических неполадок.

Все, что тебя ждет неожиданного, резкого и непредсказуемого, это insult. И это вся перспектива иррациональности и вмешательства судьбы в твою жизнь. Если Бога на Западе нет, то по одной причине – он там не нужен.

Когда у человека в повседневности горят глаза от чувства жизни, жизни как чуда, как трагедии, как ужаса или, бывает и такое, – любви, ты видишь этот огонь, и ему нельзя не позавидовать. Ощущение жизни, чувство ее непредсказуемости, жизнь как творчество возможна только при этом условии. Нет такой жизни на Западе. Там и Голливуд – фабрика.

Даже самый разумный, сухой человек, человек-автомат – насквозь иррационален по природе своей хотя бы потому, что на исходе каждого дня на несколько часов впадает в странное оцепенение, уходя в фантастические миры, цель и смысл которых он не может постичь.

Безалкогольное пиво придумано на Западе. Да, резиновая женщина тоже, более того – она там хорошо продается.

Ты будешь всегда сыт, зад будет в тепле, и так будет завтра и через год. Так будет всегда.

Всегда! Так где взять топливо для огня в твоём глазу?

В России девушка, выходя из дома за хлебом, готовит себя как на праздник. Потому что пошла за хлебом, а вышла замуж.

Мужчина здесь хищен и мачист именно потому, что выскочил вечером на улицу просто пройтись – покурить, а по-

лучил нож в бок или стал миллионером, встретив школьных друзей, а те закричали: «Витек! Сто лет в обед! Где ты был, тут у нас такая тема...» Глаза погасшие только у тех мужиков, кто уже получили свой нож или упустили свои миллионы, да и те на что-то надеются.

Такая земля здесь, такой воздух, что либо действовать, либо пить. Дельные мужики сохраняют пропорцию. Остальные уходят в запой.

Удивили запоем Депардье. Напугали ножом Сигала. Мути влюбится в двадцатилетнего русского мачо, который дерется, пьет и трахается каждый раз как последний. Через год он бросит ее, не спасут бабло и известность, и она будет плакать. Настоящими бабьими слезами. От остальных же превратностей российской жизни звезд прикроют их миллионы, за этих ребят можно не волноваться.

И, чувствуя себя Кисой Воробьяниновым перед дверью отца Федора, приготовившего цветочный горшок, тихо скажу: «И за меня тоже».

У меня нет миллионов.

Да и хрен с ними.

Скоро вечер – пойду пройдусь.

19 декабря 2016

Папа пишет письмо старой подруге мамы. Она ему всегда нравилась.

Я хожу вокруг, как кот по цепи, направо пойду – песнь за-

вою, вот бы папа женился на ней, порадовался бы старик, а налево пойду – страшная сказка, мало мне, блин, тут одного старика. Да и детки ее: еще дом отберут, на фиг.

Поэтому, бродя кругами вокруг старательно пишущего отца, только мурлыкаю: «Пап, а пап, дай почитать письмо?» – «Гр-р-р! Вот еще!» – «Вот так, да? А я тебе фото своих бывших показывал...» – «Ну и что!» – «Прячь, прячь хлеб от лучшего друга, от единственного сына». – «Это не хлеб, это письмо».

Папа аккуратно надписывает конверт своим красивым почерком и старательно, я бы даже сказал любовно, ставит точку.

– На, отправь.

Сказал – как выдохнул, это вот неспроста.

– Папа, а может, мы с тобой без баб проживем, вот на фи-га? Один пилёж от них. Мне вот сорок четыре, и зачем мне они? Будем жить вдвоем, как Шерлок Холмс с доктором Ватсоном, и никого нам не надо...

– Да какие бабы, выдумываешь тут еще. Идиот. Чтоб сегодня же отправил, а то я сам до почты пойду...

Конечно, отправлю. И смотреть, что в письме, не буду. Я не такой. И папа это знает. Но довольно это бесчестно с его стороны. Попросишь ты еще фоточку моей бывшей, попросишь...

20 декабря 2016 г.

Папа – это энергетический вампир. Я его понял. Надо будет его чесноком закидать.

С утра ныл, кричал и ругался. Днем – то же самое, только громче. Причины нет. Настоящие мужчины не ждут милостей от природы.

Я занимаюсь важными делами. Реально очень важными, ничего нельзя перепутать. Мне предстоит долгая дорога со всеми вытекающими, по законам я должен выехать до утверждения решения о моем пребывании в России, плюс еще много вопросов надо решить.

Папе скучно. Ходит по дому, ищет немного радости. С этим сложно, я очень внимателен и стараюсь никакой радости старику не доставлять.

Так, это прилет, значит, во Внуково или Шереметьево... а, ответ пришел, землю в кадастровый реестр... господи, кто же названия такие выдумывает... Внезапно я подпрыгиваю от неожиданности.

По дому разносится протяжный, торжествующий вопль медведя-шатуна, обнаружившего беззаботно спящего зайчика после того, как в заячье говно наступил.

– Ты! Опять! Не закрыл! Крышку! У своего! Фи-зи-о-рас-твор-р-ра!

Последнее слово папа просто выдавливая из себя, весь воздух и мощь голосовых связок он потратил на первую часть тирады, однако договорить нужно обязательно, иначе кайф не тот.

Да, я иногда забываю закрыть крышечку у раствора для своих контактных линз.

– Папа, что ты так кричишь, я занят, возьми да закрой...

– А-а-а!!! О-о-о!!!

– Ну дай поработать...

– Осталось, чтобы кошка все опрокинула и я поскользнулся на этой луже. И сломал ногу!

– Папа, хватит.

– И руку!

– Да ядрит...

– Голову разбил!

Я захопываю ноутбук. Набираю в грудь воздуху.

Вы просите жестких мер? Их есть у меня!

... Через пять минут я падаю в кресло совершенно опустошенный, а папа, напевая, садится проверять чертежи.

Я в унынии. Наверное, я переборщил. К тому же я клялся не материться, тем более в почтительном разговоре с собственным отцом. Короче – стыдоба. Однако еще подвываю, как побитый пес.

– Представь вот, я сейчас начну у тебя из-под носа чертежи выхватывать.

– В лоб получишь, хи-хи-хи!

Пораженно смотрю на отца. Счастлив! Расслаблен и счастлив. Ему сказали, что он плохой, обосновали и подписали: «Расстрелять». Значит, можно больше ни о чем не беспокоиться, хуже уже ничего не будет.

Женить, срочно женить. На какой-нибудь карге.

В Германии я бы, честное слово, какую-нибудь строгую госпожу с хлыстом вызвал на дом. Пока она за ним бы бежала, а он с хихиканьем удирал, я бы понаслаждался, наконец, спокойной, цивилизованной обстановкой в доме.

21 декабря 2016 г.

От треволнений и стрессов последнего времени я таки заболел. Не простужался, не простужался, носясь по холоду, и вот на тебе. Сижу целый день, закутанный во все мягкое, и ем поддельный липовый мед. Поддельный, потому что папа-эконом купил его в медовой лавке, в которой он самый дешевый в городе.

Я точно знаю, что липовый мед зимой должен засахариться. Если он жидкий, то это значит, его перетапливали, и это уже не целебный продукт, а обычная карамель с запахом липы.

Слава богу, утряслось с регистрацией земли, Россия безоговорочно признала все правовые акты Украины.

Целый день под окнами работает экскаватор, рабочие орут друг на друга, как обозленные хоббиты. Воду по случаю ремонта отключили.

Я похудел за время пребывания в Крыму на шесть с половиной килограмм, и нервы немного порасшатались. Зато дом стал похож на дом, с документами разобрались, папа ходит с тросточкой, стриженный и помолодевший.

Сейчас папа хозяйничает по дому и радуется, что все утряслось с землей. Котася заполучила меня в полное владение и не слезает с колен. Собака Белка протиснулась в щель неплотно закрытых ворот и целый день бегала по поселку, соседи загнали ее домой, застигнув возле сберкассы.

За окном мороз и солнце.

Я счастлив, за все слава богу. Вот только кашляю, но это пустяки.

* * *

Котасе прилетело. У меня куча дел с утра, утренний массаж ее шкурки мы пропустили. Сейчас время дневных поглаживаний. Но я сижу за ноутбуком, ни фи́га не получается, печатаю быстро и двумя руками. Эта мохнатая баба лезет головой мне подмышку.

– Пошла вон, не до тебя сейчас.

– Бе-е-е!

– Да что это такое, утром отец свиной голове зубы выбивал долотом, теперь вот это вот!

– Бе-е-е!

– Мне покой будет или нет?

Смахиваю кошку с кресла, она, как на резинке, тут же отталкивается лапами от пола и прилетает обратно.

– Бе-е-е...

– Котася, убью.

Кошка серьезно смотрит мне в лицо. Кажется, поняла. Снова пытаюсь погрузиться в текст.

– Б-Е-Е-Е!!!

Котася, видимо, решив, что я не плохой, а просто оглох, уже встала передними лапами на стол и, щекоча усами мне мочку уха, орет мне прямо туда.

Шлеп! – это по тощей жопе. Молча и совершенно спокойно спрыгивает с кресла и исчезает. Интересно, какова будет ее месть? Все-таки я восхищаюсь кошками. Все эмоции под контролем. Так, без паники, расстановка сил поменялась, пора отступать на ранее подготовленные позиции. Теперь нам положено поссать на Максимову куртку. И ведь сделает это с таким же спокойным, сосредоточенным выражением лица.

Ничего личного, просто бизнес.

22 декабря 2016 г.

Что-то же осталось в этом вечно раздраженном, постоянно бурчащем человеке от моего легкого, юморного, всегда такого беспечного папы? Выражение лица которого постоянно было таким, словно он когда-то увидел что-то прекрасное и не может об этом забыть.

Того, что рассказывал мне на ночь сказки, которые тут же на ходу выдумывал. Что играл со мной в солдатики и в разведчика. Баловал меня всегда, когда мамы не было дома. Смирно терпел меня, подростка, которого можно было от-

нести даже не к трудным, а к «мать вашу, это вообще что такое?».

Конечно, отец остался прежним. Только теперь его нужно искать, находить и извлекать, как семечко, из скорлупы возраста.

Когда папа улыбнется своей прежней, тихой, чуть растерянной улыбкой, у меня в душе все сразу успокаивается. «Здравствуй, наконец-то это ты».

Улыбка прячется почти сразу за мрачной раздраженной маской старости. Но я знаю, она жива и есть.

А еще – конечно, его любовь ко мне. Она осталась прежней. У меня нет ни малейшего сомнения, что, если перед отцом поставить выбор – кому шагнуть в огонь, ему или мне, он молча и сразу сделает шаг.

Ну, может быть, только чуть растерянно улыбнется сперва.

23 декабря 2016 г.

Вышел погулять с собакой Белкой. То-то радость собачья – снегу привалило. Зарывается носом в наст, нюхает. Мышей ищет? Да нет, наверное, ей нравится этот свежий запах чистоты. Мимо проходит грузный мужик лет пятидесяти, типично симферопольский, то есть что-то вроде артиста Смирнова в роли хулигана и тунеядца из «Приключений Шурика». Как и положено, слегка навеселе. Смесь силового добродушия и полного отсутствия поиска смысла жизни в гла-

зах.

– О! Хо! Какая собака! Это твоя собака? Ха!

Собака Белка, чувствуя прикрытый мной зад, начинает картинно ставить уши и даже рычать.

– Ох, овчарка! Настоящая овчарка! Колбасу будешь?

Это он не мне, само собой, это он с Белкой разговаривает.

На равных.

– Можно я ей колбасы дам? Меня тут друзья угостили...

Белка, сложив уши, вся, как ртуть, влилась в собственный нос.

– Она не берет у чужих, может кинуться.

Белка удивленно смотрит на меня.

– Да нет, отчего же, я беру!

Снова дергаю за поводок.

– Сиди.

– Да беру же я!

Мужик, пряча сверток за пазуху:

– О, какая собака, немецкая овчарка, одно слово. Уши, глаза! Не берет у чужих – правильно!

– Не слушай его, мужик, ты куда, я беру!

Мужик, помахав нам рукой, переваливаясь, удаляется. Я смотрю на собаку Белку.

– Да я бы не кинулась! Куда вот он пошел теперь?

– Не знаю, куда он пошел, а мы идем домой. Попрошайка.

Болонка. Позорище.

Белка понуро идет за мной.

– ...Такой мужик был хороший, колбасой угощал...

Мужик был хороший, да. И день хороший. И собака у нас с папой хорошая. Бесплезная только. На симферопольском рынке ее сестра купила, что еще ожидать. Немецкая овчарка, ага. Подделка ты китайская.

24 декабря 2016 г.

После того как приболел, я стал наблюдать очень интересные вещи. Папа делает все сам, пытается заботиться обо мне. И он посветлел лицом, ушло постоянное напряжение из бровей.

Выходит, отец должен о ком-то заботиться для комфорта?

Наверное, все-таки нет. Известно, как пожилому человеку порой необходимо чувство, что он нужен, что без него никак. А это чувствуется не тогда, когда хлопочут вокруг него, а когда нуждаются в нем.

Интересная мысль, простая, но когда это проявляется так очевидно...

* * *

Однозначно, заболел я не зря.

Папа накопил мне кучу булок, как раз тех, из-за которых скандалил пару недель назад. По левую руку теперь банка хорошего меда, по правую – малиновое варенье.

Папа на меня больше не кричит. Только наберет воздуху

и откроет рот, я строю мину «прощаю всех», и он сразу делает вид, что зевает, поэтому похож на очень худого сома, вытасченного на берег.

Температура прошла, завтра вернусь в строй. Жизнь идет, йог спокоен.

25 декабря 2016 г.

Невзирая на мороз, снег и гололед, папа снова удрал погулять с утра пораньше. Опять напялил на голову шляпу, зимнюю шапку носить не хочет. Хорошо хоть меховые ботинки надел, еле упробил. Уже обед близится, где этот несносный старик?

* * *

О, явился шатало, с обмерзшими до манекенно-белого цвета ушами. Счастливый еще такой, с кульком конфеток в таких же белых руках. Привезенные мной из Германии лайковые перчатки папа уже успел посеять на улицах Симфирополя, к весне вырастет перчаточное дерево. Впрочем, это вряд ли – папа потерял не одну перчатку, как все нормальные люди, а сразу две. Так что, скорее всего, не дадут добрые люди семенам прорасти.

Но раньше я сложну тут.

– Где ты был так долго?

– В город ездил. Смотри, там конфеты уценили...

- Почему ты шапку не носишь?
- Опять? Не хочу.
- Холодно же!
- Да не холодно ни фиги!
- Ты опять со мной препираешься?
- Та иди ты на хрен уже.

Так разговаривают современные отцы со своими родными сыновьями.

Вот что с ним делать. Я строгий противник телесных наказаний. С детства крайнее отвращение имею. В угол не поставишь. Мультки он не смотрит. А сладкого лишить у меня рука не поднимется, что я, фашист, что ли. Вы бы смогли вырвать у кого-нибудь из рук кулек карамелек? Вот то-то.

26 декабря 2016 г.

Сколько может выдержать человек? Я не знаю. Наверное, пока жив. Жизнь с тобой не считается. Ей не важно, как ты себя чувствуешь, болен ты или нет, сколько в тебе осталось сил, – несешь один мешок, бери и второй. Еле стоишь? А вот тебе еще и под дых сапогом. Нечаянно, жизнь не зла – просто ей все равно.

И ничего нельзя противопоставить ей, кроме своей выдержки и ума. Душа тут не поможет – ей только нести все это. Не озлобиться – одна задача.

Но одно хорошо: оказывается, я очень умный мужик.

Раньше мне ум просто не был нужен, мне и без него бы-

ло хорошо. Потом – привычки не было. А теперь просто не нарадуюсь на себя. Как женщина ради дорогой ей цели может снести страшную физическую боль, так и мужчина снесет любую тяжесть души.

Главное – чтобы организм не сдал.

* * *

Интересная особенность пожилых людей: им нужно вмешаться во все твои дела и знать всё.

– Максим, а почему? А как? А может, так? Не, а я подумал, и вот что...

– Папа, не дергай меня, пожалуйста.

Правда, так я отвечаю, когда у отца слишком много идей на час времени. Обычно я мягче: «Папа, все нормально, все под контролем, пойдем лучше чаю...» Или: «Виктор Васильевич, оставьте этих мелочей...»

Теперь папе пришла идея, что я тяжело болен и попаду в больницу.

– Ты вот сидишь и не знаешь, как это бывает.

Парировать нечем, слава богу, действительно не знаю.

– Иди поешь чего-нибудь.

Есть не хочется. Но папа успокоится, вид жующего человека всегда очень жизнеутверждающий, но как можно есть, когда не хочется этого делать? «Ложка за маму, ложка за папу...»

– Да я лучше чаю.

– Ты так скоро умрешь. И мне еще больше хлопот...

Тяжелая была ночь, вечером почувствовал себя нехорошо. К утру я совсем выздоровел, но, видимо, организм в борьбе спалил все витамины.

– Папа, я пойду вздремну полчаса, не хулигань.

«Это были его последние слова, – мелькает в голове, – интересно, сколько людей на моих похоронах заплачет?» И вдруг понимаю, что будет-то народу всего ничего – одной бутылкой водки помянут.

Тьфу, что за фигня.

А это папа на меня смотрит так, будто прощается. Это на самом деле очень хороший взгляд. Но вытягивает все соки.

И папа оказался прав. Прикрыл глаза на час – проснулся в пустом доме. Убежал куда-то опять без спросу.

У меня до сих пор такое чувство, что мама вышла в магазин и задерживается где-то. Третий год уже.

27 декабря 2016 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.